



«Съ сорок веков» - о рече

Ю Н Ы Й
НАТУРАЛИСТ 77 5





Рис. И. Кошкарева



Успехов на Марше!

Он сегодня звучит тысячеголосыми фанфарами, тот первый пионерский горн. Под его задорные звуки прошел 19 мая 1922 года по брусчатке Красной Пресни в Москве отряд неугомонных и боевитых ребят. 55 лет — время, вместившее в себя заботы, тревоги и надежды нашего государства, время, выковавшее славные традиции красногалстучной пионерии, от поколения к поколению передававшиеся, словно непрерывная эстафета замечательных, серьезных, важных и всегда необходимых дел юных ленинцев страны. Традиции. Они в полноводном разливе цветов перед монументами великому Ленину в весенний день его рождения. Они в пионерском салюте ветеранам войны и труда, среди которых много тех первых ребят, что пронесли вихревые годы верность идеалам Коммунистической партии Советского Союза. Они в повседневных значимых делах красногалстучных отрядов на лучистых тропах Всесоюзного пионерского марша «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!». Знаменательному юбилею, 60-летию Советской власти, посвятила юная смена страны свой красноезвездный Марш. И каждый обрел на его маршрутах дело по душе, работу по силам. Занимаясь в юннатских кружках, выходя дозором в отрядах голубых или зеленых патрулей, участвуя в уборке урожая на полях ученических производственных бригад, ты вносишь свой мощный вклад в общую копилку пионерских славных дел.

Успехов тебе на Марше, юный друг!



ПИСЬМО ИЗ «ТИМИРЯЗЕВКИ»

Володя Погонов пришел с лекции, бросил на тумбочку папку с конспектами. В студенческом общежитии тихо. В такие минуты Володя возвращается памятью в родные места, пишет домой письма.

«Учиться в «Тимирязевке» мне нравится. В нашей группе интересные ребята из самых дальних уголков страны. Многие мне завидуют: мол, близко дом. Но хоть наша Поповка не так и далеко, в Московской области, держит меня время. Жизнь расписана по минутам, даже в выходные дни. Правда, иногда такая тоска берет по нашему селу, по ребятам, что сбежать хочется. Дома все иначе, чем здесь, в городе, а главное — земля!»

Все-таки не может он привыкнуть к Москве. Даже смена времен года ощущается здесь не так ярко, как в деревне: добросовестные дворники не дают залежаться ни пестрому ковру осенних листьев, ни снегу, разгоняют длинными метлами весенние ручьи. Эх, сейчас бы домой, чтобы, как в детстве, почувствовать запах подсыхающих на солнце смолистых бревен, аромат проснувшейся земли. Сейчас его друзья Витя Крючков и Саша Смирнов готовятся к весенней пахоте.

Почти весь выпуск Поповской средней школы Егорьевского района, двадцать семь юношей и девушек, остался в прошлом году работать в

совхозе «Россия». Остался и Володя. Но совхоз решил направить своего стипендиата учиться на агронома, и выбор пал на Володю. И вот он студент сельскохозяйственной академии, но в мыслях все равно там, со своими однокашниками.

Вот бы тоже сесть на трактор, взяться за рычаги управления. А после смены вылезти из кабины, распрямить ноющие от напряжения плечи, оглянуться, окинуть взглядом вспаханное тобой поле, на краю которого угасают последние отблески заката, и почувствовать, что усталость отступает. Это запомнилось с практики. А еще запомнилось, как шли в тот день пыльные, перепачканные машинным маслом к Цне и увидели тракториста, парня немногим старше их. Он сидел в дымящем жарком тракторе в белой рубашке, в начищенных до блеска ботинках, будто здесь не тесная кабина, а салон пассажирского лайнера.

И вот теперь Володя подумал, что так, наверное, мог бы выезжать в поле Коля Лисяков.

Еще в школе поражал Коля всех привязанностью к технике, бережливым отношением к машинам. И когда пришел на работу в совхоз, ему сразу доверили новый трактор. Тщательно следил за ним молодой механизатор. Часто задерживался после работы. Зато в поле никто не видел Николая копающимся в моторе или

лежащим под машиной. Не подвела его техника: весь осенний сев была на ходу.

Володя в курсе дел своих однокашников, радуется их успехам. По многолетнему опыту бригадирства верит: на таких ребят можно положиться. А что это точно, показал позпрошлый год.

Старожилы не помнили такого засушливого лета. Ребята, связанные с землей, знали, каким безжалостным может быть солнце, и с тревогой смотрели, как буреют луга, сохнет и трескается пашня. У школьников пятнадцать гектаров земли засеяно кормовой свеклой — большой любительницей воды. Этот участок выделили ребятам в обширном совхозном клоне, и работа на нем была частью общего дела. Школьники понимали, что в этом году больше чем когда-либо необходим высокий урожай, и свои обязательства — собрать 400 центнеров с гектара — решили выполнить.

А когда, намного перевыполнив план, собрали со своего участка 9 тысяч центнеров ценной кормовой культуры, даже опытные свекловоды были удивлены. Только, пожалуй, для ребят это не было неожиданностью. Нелегко досталась победа. И заслуженной наградой было переходящее Красное знамя МК ВЛКСМ, торжественно врученное бригаде Володи Поганова в Москве, в Колонном зале.

Но пожалуй, не менее дорого для ребят уважение односельчан. В совхозе с гордостью говорят, что школа — это цех № 1 и главный участок. Ребята — надежные помощники: они занимаются сортоиспытанием различных кормовых культур, помогают при сборе урожая, но, главное, здесь, в школе, готовят квалифицированные кадры.

Будущие доярки, например, проходят практику на лучшей, недавно выстроенной ферме, полностью механизированной.

Корма здесь доставляются автоматически, помещение коровника светлое, надоенное молоко идет по трубам в молочный цех. Для многих девятиклассников практика определяет будущую профессию.

За окнами холодная предрассветная синева. Самый сон, самые сладкие минуты его, а в школе, где разместились практикантки, уже слышны звонкие голоса, смех. Словно звонки будильников, вовсю трезвятся умывальники. А потом девчонки, ежась от холодной утренней дымки, бегут веселой гурьбой к ферме, норовя столкнуть друг дружку в обжигающую росу. Однако, как ни торопятя девочки, первыми приходят их наставницы — опытные доярки. Несуетливые, доброжелательные, они внимательно присматриваются к своим ученицам — через год с кем-то из них работать вместе. Нравится им бойкость молодых; сноровистое обращение со сложным оборудованием; не боятся те доильных аппаратов новой конструкции, говорят, все изучено еще в классах. Через неделю доярки спокойно доверяют звену из двух практиканток пятьдесят коров. Что же, при таких помощниках они и в отпуск летом смогут пойти, и в выходные дни подольше побыть в кругу семьи.

По окончании практики девочки уже знают, в каком звене они будут работать, где их ждут.

Так ждали на Соломаевской ферме подруг Валу Соловьеву и Лиду Галкину, одноклассниц Володи. Они пришли работать мастерами машинной дойки. По душе пришлось новобранцы коллективу. Немногословный народ на ферме коротко определил в них существенное: «Девушки уважительные, и в руках у них все горит». Похвала эта высокая: ведь девчата пошли работать не на новую механизированную ферму, а на старую, где все зависит от умелых, не

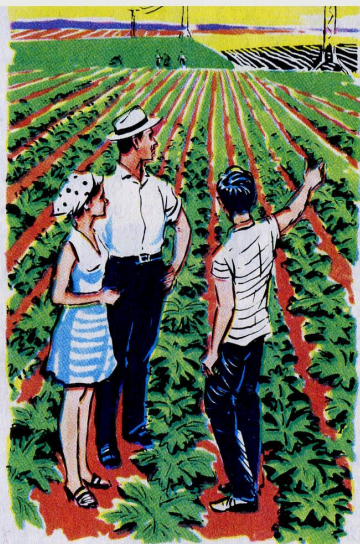
боящихся работы рук, где все надо уметь: и корма засыпать, и корову почистить, и обмыть вымя перед дойкой. И все-таки свой первый трудовой год девушки закончили не по календарю рано, с перевыполнением плана к 11 декабря.

У Вали здесь работают мать, три сестры и брат. «Целую животноводческую ферму могли бы Соловьевы обслуживать», — шутит она. Наверное, из такого интереса к общему делу и создаются настоящие трудовые династии. Младшая сестра Оля сейчас заканчивает десятилетку и говорит о профессии доярки как о деле давно решенном.

Еще ребенком бегала Оля к матери на ферму, боязливо жалась у входа, не решаясь пройти по двору мимо больших незлобивых животных. Но мать говорила о них ласково, как о малых детях, весело рассказывала про незатейливые их проделки. И страх прошел. С тринадцати лет подменяет Оля мать и хорошо уяснила, что каждая корова имеет свой нрав, свои привычки, с которыми надо считаться. Спокойная рыжая Клубничка полная противоположность остророгой Ночке, черной, без единого пятнышка корове. Строптивая Дина не раз доводила девочку до слез, опрокидывая подойник, а сейчас при появлении Ольги шумно дышит, тянется к ней мягкими губами.

Перед тем как войти к коровам, Оля переодевается в халат, прячет под косынку неподатливую золотистую челку и слышит, как довольным мычаньем приветствует ее Печора, красивая корова с белой звездочкой на крутом лбу.

Труд доярки забирает много времени. Новые фермы будут механизированные. Легче будет труд у дойрок, зато ответственнее, не только за коровами придется ухаживать, но и машинами управлять. Тут нужны образованные, грамотные люди.



И таких дадут сельскохозяйственному производству ученические бригады школ. Две с половиной тысячи юношей и девушек Московской области остались в прошлом году работать в колхозах и совхозах. Среди них и ребята из Поповской школы Егорьевского района — те, кому предстоит превратить Подмоскovie в область высокоразвитого сельскохозяйственного производства.

Среди них и Володя Погинов. Много еще предстоит ему узнать, многому научиться.

«Вот уж и заканчивается первый учебный курс в «Тимирязевке». Готовлюсь к весенней сессии. Сдам — и домой. Быстро время прошло. Так и годы учебы пролетят — не заметишь. И я вернусь... Тогда уж навсегда...» — заканчивает Володя свое письмо.

Когда придет он молодым специалистом в свой совхоз, там уж построит механизированный животноводческий комплекс. Но никогда не закончится добрый труд земледельца, которому Володя и его товарищи решили посвятить свою жизнь.

Л. Волкова

Профессор А. ФОРМОЗОВ

КАК ЗАПИСЫВАТЬ НАБЛЮДЕНИЯ



«Подшивки «Юного натуралиста», — пишет нам давний читатель, — хранят в себе бесценные россыпи интереснейших материалов. Но они доступны далеко не всем, ведь со дня основания журнала прошло почти 50 лет. Имело бы смысл лучшие статьи из старых номеров напечатать вновь. Убеден, их с увлечением и пользой для себя прочтут нынешние юннаты».

Для первой такой публикации мы выбрали статью профессора А. Н. Формозова (1899—1973) из апрельского номера за 1939 год. Александр Николаевич часто выступал на страницах журнала в 30-е годы. Он был не только зоологом с мировым именем, но и известным писателем, а также талантливым художником-анималистом. Его работы — замечательная школа для всех, кто любит родную природу.

Ребята часто спрашивают нас: что и как записывать в дневник юнната? Вопрос и простой и сложный. Сложный потому, что в журнальной статье нет возможности изложить программу наблюдений по всем специальностям. Простой, так как можно ограничиться таким советом: записывайте все, что интересует вас из виденного на экскурсиях или услышанного от знающих людей. Чем подробнее делать записи, тем лучше. Полезно описывать не только ход наблюдений или их результаты, но и обследуемую местность, условия погоды, встречи с интересными людьми, забавные приключения и тому подобное. Такой расширенный, не узко специальный дневник приятно перечитывать — в памяти легко оживает множество яр-

ких картин: и теплые, веселые дни лета, и морозные дни зимы с ее широкими снежными полями и жестокими метелями. Стараясь точнее и ярче передать свои впечатления, каждый автор дневника лучше овладевает родным языком, начинает глубже чувствовать и понимать родную природу. А глубоко почувствовать — это значит полюбить, навсегда овладеть первоисточником прекрасного.

В ком нет любви к стране родной,
Те сердцем нищие калеки...

(Т. Г. Шевченко)

Каждый много работающий над натуралистическим дневником не-

**НЕЗАБЫТЫЕ
СТРАНИЦЫ**

заметно для себя самого растет в культурном отношении, получает более широкий кругозор. Писание дневников не пустая и скучная обязанность, а очень увлекательное занятие, которое развивает самого автора и одновременно помогает фиксировать (то есть закреплять, сохранять) разнородные наблюдения.

Нельзя быть хорошим натуралистом, не умея вести тщательные записи наблюдений. Достаточно вспомнить о дневниках, которые вел Чарлз Дарвин во время путешествия вокруг света на корабле «Бигль», чтобы оценить научное значение точных полевых записей.

Знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский, много раз пересекавший самые недоступные области Центральной Азии, ежедневно исписывал десятки страниц в своих объемистых полевых книжках.

Порывы ледящего бурана несли над Гоби щебень, песок и сухой снег; жалобно скрипели зубами голодные верблюды, а в тесной войлочной юрте при тусклом свете огарка неутомимый Пржевальский ровным и твердым почерком заносил записи во все разделы своего дневника. Материала было много, поэтому еще в пути он разбивал его на группы, чтобы облегчить позднейшую обработку: направление и длина пути, пройденного за день, описание местности, метеорологические наблюдения (температура, ветер, осадки, барометрическое давление), описание растительности, наблюдения за птицами, наблюдения за зверями, этнографические наблюдения — все это немедленно распределялось по своим местам.

Давно уже спят все участники экспедиции, ноют и мерзнут усталые ноги и невольно слипаются глаза, а Пржевальский все пишет. Он

знает, что завтра опять большой переход и будут новые впечатления; наблюдения закончившегося дня он записывает в тот же вечер, не полагаясь на память и не надеясь, что когда-нибудь будут более спокойные часы.

Замечательный путешественник и прекрасный натуралист, Пржевальский напечатал несколько больших томов с описаниями природы исследованных им стран, но материалы его дневников еще не исчерпаны. Эти дневники хранятся в Академии наук СССР и даже много лет спустя по смерти их автора все еще служат ценнейшим источником знаний о природе Центральной Азии.

Чтобы дневники были полными и точными, нужно на экскурсии делать записи в полевой блокнот тотчас же после каждого наблюдения. Нередко, например при учете птиц, блокнот и карандаш не приходится выпускать из рук ни на одну минуту. По приходе домой эти записи приводят в порядок и, дополнив их деталями, которые сохранились в памяти, переносят в дневник. Особенно важно записывать на листе данные о часах наблюдений, о числе наблюдаемых животных и другие цифры, точные протоколы, дающие представление о поведении животных, описания участков растительности, глубины рек и озер и тому подобные сведения, очень теряющие в точности, если положиться на одну память.

Дневник всегда хранится дома; брать его на экскурсии не следует из опасения потерять результаты трудов за большой период времени. Потеря полевого блокнота обычно лишает автора только записей за последние один-два дня (более ранние уже должны быть перенесены в дневник).

Многие начинающие натуралисты забывают о том, что для точного изучения любого явления необхо-

Рис. автора



димы количественные характеристики, то есть цифры, без которых работа может потеряться если не всю ценность, то значительную ее часть. Можно сделать такую запись: «Сегодня был большой ливень с градом; побило цвет на яблонях и мелких птиц». Такая запись очень далека от необходимой точности. Лучше этот же случай описать с большей подробностью: «Сегодня прошел ливень, продолжавшийся с 12 до 15 часов. Минут двадцать шел град размером в крупную горошину (диаметр некоторых градин доходил до 6—8 миллиметров). У крайних (западных) яблонь сбило до 20—25 процентов цвета, большинство деревьев пострадало менее. Узнал в колхозе, что побило мелких птиц. Искал в саду; на участке в гектар нашел двух мертвых серых славок».

Вот еще три примера записей на одну тему; первые две неудачны, третья вполне удовлетворительна.

«18 марта. В степи пробудились суслики». (Совсем плохая запись.)

«18 марта. Прошел 6 километров степью и видел много серых сусликов». (Тоже плохо.)

«18 марта. Вышел в 9 утра, вернулся в 13 часов. Прошел 4 километра по сухому склону балки, пригреваемому солнцем, и 2 километра по дороге через озимый клин. День ясный, теплый. На пригревах балки пробудились серые суслики; видел одиннадцать штук. В двух местах самцы преследовали самок — у сусликов началось спаривание».

Я думаю, что после сказанного ранее всем ясно, почему две первые записи плохи, а третья удовлетворительная. Количество сусликов, попадающихся на глаза наблюдателю, зависит и от условий погоды, и от длины маршрута, по которому он шел, и от местности, и даже от времени дня. Не будь в записях этих данных, трудно было бы судить о том, как много сусликов пробудилось от спячки. А от этого будет зависеть выбор срока для начала борьбы с сусликами и отчасти судьба урожая.

Смотрите, ребята, лучше и больше записывайте в дневнике, а странички из них присылайте в журнал на просмотр.

ДОРОГОЙ ЛЕНИНА,

1917-1977

ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ!



Нефтяные вышки, цветущие сады и зеленые поля — это Азербайджан. Юные пионеры республики свои дела посвящают славному празднику — 60-летию Советской власти. На опытных делянках и в школьных питомниках, на юннатских станциях и в музеях боевой и трудовой славы кипит работа. Юные цветоводы одевают республику в красочный наряд, в питомниках выращивают ценные породы деревьев, результаты опытов со школьных делянок передают в колхозы и совхозы. Юные краеведы отправляются в экспедиции по родному краю, чтобы дописать страницы его истории. О славных делах пионеров и школьников Азербайджана наш сегодняшний рассказ.

История всегда рядом

Школа эта находится в старейшем нефтяном районе Азербайджана, в поселке имени А. П. Серебровского. Отсюда совсем недалеко до нефтяных вышек, которые, словно атланты, держат на своих плечах небо. Живет в поселке много семей потомственных нефтяников. Из поколения в поколение передаются рассказы о славной истории этого района. И решили ребята из 141-й школы создать клуб

«Искатели». Было это более десяти лет назад.

Начали с названия поселка. Назвали ведь его так в честь первого «командарма» нефтяной промышленности А. П. Серебровского. И начались поиски. Много интересного о его соратниках и помощниках рассказали старые нефтяники. О первых, трудных годах Советской власти, когда молодая страна осваивала свои богатства, создавала свою нефтяную промышленность.

Потом Великая Отечественная война.



АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
ССР

И здесь открывали искатели для себя новые героические странички. И приходили в клуб участники войны, делились воспоминаниями, рассказывали о тех, кто ценой своей жизни завоевал для ребят солнечные дни детства. И тихо тогда становилось в зале, и в этой тишине ребята учились еще больше любить Родину.

Иногда поиски приводили к самым неожиданным результатам. Так разыскали Владимира Тимофеева, одного из правнуков участника Парижской коммуны. Встреча с ним закончилась пением «Интернационала» на русском и французском языках.

В клубе «Искатели» воспитываются будущие граждане нашей страны, воспитываются на славных революционных, боевых и трудовых традициях. Заканчивают школу одни ребята, приходят другие, уходят в поиск и возвращаются с новыми фактами из истории родного края. И снова приходят на заседания клуба ветераны труда и войны, приходят те, кто создавал эту историю, кто делал ее своими руками. И затаив дыхание слушают ребята летопись истории родного края, которая всегда рядом, истории, которая нефтяными вышками смотрит в небо, истории, которая никогда не кончается.

С нем лучше?

Зимой на юннатской станции работы тоже хватает. Мария Арабетовна Карабекова, руководитель кружка грунтового цветоводства, с утра уже на участке. Сегодня выходной день, пришли ребята, надо луковицы перебрать. Голубоватые, с лиловыми прожилками — это луковицы гладио-

лусов, у тюльпанов луковицы все больше желтые, оранжевые, розовые.

Кямал Искандеров, Гюля и Эльхан Мемиковы внимательно осматривают каждую луковицу, сортируют.

Самир Алиев готовит ящики для рассады. На станции полно ребят. Мария Арабетовна тоже перебирает луковицы и о каждом виде что-нибудь рассказывает. С Марией Арабетовной интересно.

На улице сегодня холодно, даже окна немного инеем прихватило. Ребята поглядывают в сад, ждут, что скажут фенометеорологи.

На метеорологической площадке с утра исследуют толщину снегового покрова, направление и скорость ветра, определяют атмосферное давление. Долго что-то исследуют. Ребята уж заждались. Чего там? Какая будет погода ночью?

Наконец идет от метеорологической станции Анжела Нагоян. Несет сводку погоды, руки замерзли.

— Ну что, Анжела? — обступили ее ребята.

— Заморозки будут, — говорит Анжела. — Как у вас на участке? Все укутано? Надежно?

— Надо бы сафору прикрыть еще саболомой, — забеспокоилась Мария Арабетовна. — Да и мыльные деревья холода не выносят.

Оделись, пошли на участок. Участок у садоводов большой. Только учебно-опытное поле занимает 250 квадратных метров, да под садом 400 квадратных метров.

Что тут делается весной! Как бушует, как цветет сад! На учебно-опытном участке растут сосна, кипарис, каменный дуб, лигуструм, калина, лавр, спирея.

Все прикрыли на зиму ребята, стволы деревьев обвязали соломой. И все-таки надо еще раз посмотреть, проверить. Растения на участке редкие, каждое дерево, каждый куст выращиваются годами, нужен глаз да глаз.

Пока работали на участке, Мария Арабетовна про каменный дуб рассказала:

— Когда-то давным-давно поспорил Чингисхан со здешним князем — у кого трубка в воде утонет? Чья пойдет ко дну, тому и начинать сражение. Чингисхан бросил в море трубку, украшенную тяжелой золотой чеканкой, убранный драгоценными камнями, но трубка не утонула, поплыла, подгоняемая течением. Князь же достал простую деревянную трубку, привязал к ней надутый бычий пузырь — пусть держится на воде, князь был храбрый, и войско у него было отважное, — какая разница, кому начинать сражение? Только трубка сразу пошла ко дну и бычий пузырь с собой потонул. Из каменного дуба была сделана княжеская трубка. А уж победу над татарами одержали тогда славные. Сами начали сражение — сами и кончили.

Слушают ребята Марию Арабетовну, а сами стараются, плотно укутывают стволы деревьев, обвязывают сверху шпагатом.

— Теперь про мыльное дерево расскажите, — просит Анжела Нагаян. Она как принесла сводку, так и осталась с цветоводами. Мария Арабетовна стала рассказывать про мыльное дерево, Анжела подумала: «Может, и в кружок грунтового цветоводства записаться? Ну, как быть? И с фенометеорологами интересно, и с цветоводами тоже».

Эхо войны

И опять готовятся к выставке цветов юннаты 213-й школы города Баку. Выставка будет проводиться в пятый раз.

В прошлом году в ней приняли участие все классы. Помимо комнатных цветов и букетов, было представлено пятьдесят девять композиций. Наибольшее впечатление произвели «Белые журавли», «Горячий снег», «Седина ветеранов», «Пионерский букет Ильичу».

Надолго останавливались посетители у экспозиции «Русское поле». Бесхитростные полевые цветы росли у дороги, дальше расстилась бескрайнее поле. Золотилась пшеница, и синий прибор васильков отделял поле от просторного луга. Будто бы

шел издалека теплый ветерок с запахом мяты и хлеба, застыли низкие кучевые облака, зацепившиеся за дальний светлый лесок.

Книга отзывов «Весна-76» заполнена волнующими записями. Студенты, артисты, рабочие, все были поражены — равнодушных посетителей на выставке не нашлось.

Врач Вера Петровна Кудинова долго стояла у экспозиции «Эхо войны». В книге отзывов она написала:

«В эту войну я потеряла мужа и четырех братьев. От всего сердца спасибо ребятам за композицию «Эхо войны». Она произвела на меня большое впечатление. Пусть всегда будет солнце, радость, цветы!»

В книге отзывов есть и другие интересные записи. Их более ста. Это слова благодарности юным натуралистам на русском, азербайджанском, испанском, арабском, английском и других языках.

Сейчас ребята готовятся к очередной выставке. Дел очень много. Хочется, чтобы выставка эта была еще лучше, содержательнее, наряднее.

Учительница биологии Людмила Владимировна Сохатская проводит зачеты по темам, ребята подбирают стихотворения, составляют альбомы к экспозициям.

То и дело обращаются они к тем, кто был отмечен на прошлой выставке. Вопросы много: как вырастить совсем темные, почти черные тюльпаны? Какие цветы понадобятся к экспозиции «Летний вечер»? А что, если сделать записи на магнитную ленту и экспозиция окрасится звуками? Что лучше записать: стихи, музыку или просто пение птиц?

Армен Саркисян хочет сделать на весенней выставке небольшой фонтанчик. Пусть будет похоже хотя бы на горный ключ, и около него будут расти мхи, цветы. Никак не может Армен забыть Петергофские фонтаны. Это же так красиво! Гюльнара Мехтиева, Римма Оганян, Олег Кузяев пропадают в кабинете физики, вместе с Арменом бьются над «горным ключом».

В школе началось движение «За ленинское отношение к природе», ребята выпускают бюллетени, устраивают конференции, конкурсы, выходят дозорами в отряде зеленых и голубых патрулей.

Материалы по Азербайджанской ССР подготовила Р. Радовская



МЕДОЕД

Я давно просил друзей-геологов привезти мне из Туркмении пару котят или хотя бы одного котенка барханной кошки. Однако добыть это своеобразное животное не так-то просто. Каждый раз, возвращаясь из экспедиции, друзья смущенно разводили руками. Но однажды получаю телеграмму: «Встречай тчк выезжаем двадцать третьего тчк поезд тчк вагон двенадцать тчк возем тчк Андрей».

Задолго до прибытия поезда я примчался на вокзал. Вот электровоз подкатил состав к перрону. Толпы встречающих ри-

нулись навстречу прибывшим. Приветствия. Радость встреч. А я во все глаза с изумлением смотрю на... обитый жестко чемоданчик с несколькими отверстиями. Внутри кто-то возился, издавая неблагозвучные, явно некошачьи звуки.

Андрей загадочно улыбнулся, передал мне чемоданчик и добавил: «Только открывай дома да приготовь побольше меду или чего-нибудь сладкого, вкусенького — тогда легче познакомитесь и подружитесь».

Признаться, меня очень смущало: за-

чем это было Андрею приучать котенка к меду и сладенькому?

Понятно, со столь подозрительной тарой меня в метро не пустили, и домой пришлось добираться на такси.

Приехав домой, я, не раздеваясь, сразу же бросился на кухню и немедленно открыл чемоданчик. Каково же было мое изумление, когда вместо ожидаемого котенка из него вывалился... барсук и впоследствии посмотрел на меня. Только теперь я увидел, что передо мной не барсук, а молодой медоед — редкое и чрезвычайно интересное, по-настоящему экзотическое животное. Это было ничуть не хуже барханного кота. Я и не мечтал о таком счастье: наблюдать дома за медоедом!

Немедленно бросился звонить по телефону Андрею, чтобы поблагодарить его и всю компанию за сюрприз, а заодно узнать, как они ухитрились довести животное до Ленинграда.

Андрей снисходительно принял изъявления моей пылкой благодарности и небрежно бросил: «Всю дорогу кормили котлетами, шинцелями, а чтобы ел, сдабривали медом или вареньем. Ты ведь знаешь, что мед — лакомство для медоеда. Правда, пришлось помучиться с ним: у него расстроился желудок».

Да, я знал, что мед — лакомство для медоеда. Ради него он на все готов. Значит, стратегия по отношению к нему должна быть медовой и вообще сладкой. Только с помощью меда, вишневого, клубничного варенья я найду путь к сердцу животного, думал я.

В тот вечер знакомство не состоялось, ибо медоед, утомленный длинной тяжелой дорогой, отправился спать под табурет. А наутро в кухню невозможно было войти: у зверька оказалось жестокое расстройство желудка. Принялся его лечить.

Первым делом выдал медоеду две столовые ложки меда и одну жидкого гематогена. И только на следующий день он получил свой полный обед: свежее мясо, облитое гематогеном (он играет роль заменителя свежей крови), кусочки яблок и столовую ложку меда. На другой день — свежее мясо, кусочки моркови и опять столовую ложку меда. Любопытно было видеть, как медоед принимается за трапезу. Ел очень аккуратно, изредка причмокивая от удовольствия.

Прошло несколько дней. Вместе с нами переехал на дачу и наш новый жилец. Там нам предстояло подружиться. Я начал с того, что обильно смазал указательный палец медом и медленно поднес его к носу зверька. Он заворчал, насторожился. Казалось, вот-вот цапнет меня за па-

лец. Но запах любимого лакомства так приятно дразнил его обоняние, что медоед решил: все еще ворча и недоверчиво косясь на меня, он тщательно облизал палец. Затем, видимо, посчитав, что лакомство сочится из-под ногтя, осторожно попытался проникнуть языком туда. Тогда я медленно отвел палец, снова смазал его медом и повторил все сначала. Сладкоежка отнесся к этой манипуляции с большим доверием и одобрением. В следующий раз он сам бежал мне навстречу, а еще через день уже весело вертелся возле меня, герся, подобно кошке, у ног, играя, позволял валить себя на спину и чесать за ухом.

Медоед — двоюродный родственник нашего обыкновенного барсука. Однако он настолько своеобразен, что некоторые зоологи выделяют его в особое подсемейство. Размерами взрослый медоед не превосходит своего родственника — барсука, а вот своим обликом очень мало на него похож. Намного красивее.

Представьте себе зверька, покрытого густым жестким черным блестящим мехом, на которого сверху как бы набросили белый чепрак. Внешнее обаяние животного подчеркивается небольшими, черными, умными, немного озорными, очень подвижными глазами.

Барсука в народе называют «язвником» за явную склонность к злобности. И недаром! То он залезет куда ему не надо, то съест чего не следовало. В общем, в домашних условиях с барсуком хлопот полон рот. С моим медоедом ничего подобного не было. Разумеется, он самым тщательным образом исследовал и обнюхивал каждый новый предмет, который появлялся в доме или в садике. Но ни разу не делал попыток что-либо сломать или испортить.

Медоеды — страстные землекопы. Когда я выпустил своего зверька на даче, он после небольшого знакомства с тем, что его окружало, немедленно начал рыть отлогую нору. Интересно, что, как и барсук, медоед роет специальный отнорок, играющий роль туалета. Вообще, медоеды очень чистоплотные животные. Постоянно чистят свой мех, и от них никогда не пахнет. Кстати, такая чистоплотность служит хорошим индикатором самочувствия животного. Если оно перестает следить за собой, это служит сигналом заболевания.

Большую часть дня наш любимец проводил в норе, но немедленно вылезал из нее, когда его звали. Конечно, за это он получал лакомство: булку, смоченную медом, вареньем, яблоко, апельсин, виноград, ломтик арбуза или дыни. В противном случае зверек с самым обиженным видом лез обратно, если это были «свои».

Когда же так шутили посторонние, он сильно сердился, издавал пронзительные, хрюкающие звуки, задира хвост и с крайним негодованием залезал в нору.

Передвигался зверек очень забавно, не спеша, но, если чуял мед, несся галопом навстречу излюбленному лакомству с поразительным проворством.

В природе медоед всеяден: ест падаль, грызунов, очень любит рептилий, питается и растительной пищей. Если на пути медоеда попадает бахча, обязательно полакомится арбузом или дыней. Ну и, конечно, мед! На воле эти животные едят, разумеется, мед диких пчел. На охоте за медом они внимательно следят за поведением медоуказчика — птички из отряда дятлов. Как только медоуказчик находит гнездо пчел, он сразу же начинает издавать особые крики и делать характерные движения. Медоед, если оказывается поблизости, немедленно спешит за птицей. Добравшись до места происшествия, разоряет пчелиное гнездо и лакомится медом. Укусы пчел ему не страшны: сквозь густой мех жало их не достигает цели.

В неволе медоеды также всеядны. У меня зверек ел буквально все, даже вареные и сырые пельмени, сосиски, хлеб, творог, кусочки нежирной ветчины.

Медоед очень любил, чтобы с ним играли и обращали на него внимание. Без людей скучал, отсиживаясь в норе. А затем нашел для себя довольно странное раз-

влечение. Возле дачного участка проходила линия проволочной телефонной связи, один из ее столбов стоял рядом с забором. Зверек с завидным проворством взбирался почти на самый верх столба, а затем быстро съезжал вниз. Да, да: именно съезжал, пропуская столб между лапами. На такое диво собирался смотреть весь поселок, но медоеда это ничуть не смущало. Устав, он забирался в свою нору и засыпал.

Распространен этот зверек в Южной и Центральной Африке, Передней, Средней и Южной Азии, в нашей стране на юге Туркмении.

Любопытная деталь: в отличие от барсука медоед в своей естественной области обитания не впадает в спячку даже при сильных морозах, хотя в Туркмении такое иногда случается. Но мой зверек в сильные ленинградские морозы все-таки становился малоподвижным и сонливым.

Так много лет назад мне удалось сделать интересные наблюдения за этим животным. Как показывала практика, медоедов можно прекрасно содержать в неволе, где они, по-видимому, могут даже размножаться. Поэтому хотелось бы надеяться, что медоеды привлекут к себе большее внимание наших зоопарков. Это тем более кстати, что животным грозит полное исчезновение и они занесены в Красную книгу.

Н. Паравян
Рис. В. Перльштейна



зеленый наряд ОТЧИЗНЫ

Карта живых редностей

Есть у нас такая карта. Появилась она прошлой осенью, после того, как мы обследовали городские парки и ботанический сад Черкасского пединститута. Взглянешь на карту, и невольно удивишься обилию редких пород деревьев, которые растут в нашем городе. Вот уж поистине целое богатство.

Облепиха, дуб красный, бархат амурский, уксусное дерево, биота восточная, явор пурпурный — можно долго перечислять и перечислять названия растений, которые написаны на нашей карте.

Карта картой, но осенью не забыли мы и о семенах — собрали для посева 300 килограммов семян и плодов 100 различных видов. В своем дендрарии выселили 60 видов ценных растений к 60-летию Великого Октября. А в комнатной тепличке вырастили 30 эвкалиптов, 10 кипарисов и 5 гинкго. Это полные новоселы наших мест. Думаем, со временем пересадить их в свой дендрарий, чтобы росли они под открытым небом.

Люба Сидоренко

Кружок «Юный дендролог»,
г. Черкассы

К юбилею города

200 лет исполнилось нашему Рыбинску. Этому знаменательному юбилею посвятили мы Неделю охраны природы. Много дел переделали, одно из них — выполнение очередного задания эстафеты.

Ребята из отряда учитывали все зеленые насаждения вокруг школы. Какие деревья растут неподалеку от нас?

Оказалось, есть и березы, и американские клены, и лиственницы.

Нанесли мы на карту липы, тополя, боярышник, акацию. Собрали осенью первые пакеты семян, так что теперь в нашем городе появятся молодые посадки.

С другими участниками эстафеты мы можем поделиться семенами акации, космеи, календулы, турецкой гвоздики и бархатцев.

Пионерская дружина
имени Ульяны Громовой

Средняя школа № 2,
г. Рыбинск

„Багульник“ значит цветущий

Мы живем в красивой горной долине к западу от Байкала. Красиво у нас, особенно весной, когда цветет багульник. Его именем мы назвали свой отряд.

Сообщаем о выполнении десятого этапа эстафеты.

Вокруг нашего поселка растут кедры, сосны, лиственницы. Много диких яблонь, боярышника и рябины.

Мы учли все виды растений. А в питомнике 300 сосенок высадили и еще посеяли 300 семян акации. Думаем к 60-летию Октября заложить несколько аллей.

Отряд «Багульник»

пос. Тунка,
Бурятская АССР

Посылка на БАМ

Эту посылку упаковывали мы всем отрядом. Как же иначе? Ведь адрес ее — БАМ, ударная комсомольская стройка десятой пятилетки. А началось все с короткого сообщения в нашей краевой газете. Теперь точно не установишь, кто из ребят первым показал его. В газете говорилось, что на БАМе, в одном из поселков, есть улица Ставропольская, что живут на ней наши земляки и работают по ударному. Отряд ставропольцев, несмотря на трудные погодные условия, перевыполняет планы строительства.



Рис. С. Аристокесовой

А почему бы не послать землякам семена цветов? Наверняка красивее станет их улица, украшенная веселыми живыми огнями.

Больше полкилограмма семян собрали мы со своего пришкольного участка. И полетела наше крылатое семечко к строителям магистрали.

Лена Зиброва

Средняя школа № 2,
г. Ставрополь

Цветы ветеранам

Все началось с того, что выпускники 1952 года решили оставить в школе о себе память. Они-то и заложили возле школы первые аллеи нашего дендрария, который теперь знают по всей Западной Белоруссии. И бесценно руководит работами в нем биолог Владимир Иванович Рекуть. Сначала в дендрарии появилось все характерное для местной флоры: каштаны, пирамидальные тополя, лиственницы тоже. А потом стали мы выращивать и редкие растения. Один наш выпускник служил в армии на Дальнем Востоке. Оттуда прислал он семена бархата амурского, или пробкового дерева. Деревца эти растут у нас в дендрарии хорошо, да и не только они, но и южная катальпа, золотистый ясень, уксусное дерево и другие «экзоты». «Вы, наверное, все будете биологами?» — спрашивают часто нас. И совсем не обязательно. Я, например, хочу стать строителем. Но вот интерес к природе, ее красоте, который пробуждают в ружанских ребятах наши учителя-энтузиасты Влади-

мир Иванович Рекуть и Вера Никифоровна Дурейко, дают свои всходы.

Мы давно уже вышли на улицы поселка. Убрали напротив школы двор со старой мельницей, разбили пионерский парк имени Евгения Урбановича. У бюста организатора партизанской борьбы с фашистами всегда цветут по сезону цветы, высаженные пионерами нашей дружины. Еще мы заложили парк у кургана Славы, посадили вдоль улицы Ленина махровый боярышник и другие декоративные деревья и кусты, перед зданием начальной школы заложили рокарий, чтобы весь наш поселок был не только зеленым, но и нарядным. Мечта осуществима, потому что нет ребят в нашей школе, которые бы не любили цветы! На улицах Ружан цветут наши аютины глазки, алиссум, астры... Вот уже третий год мы выращиваем гвоздику Шабо, сами получаем семена. И к 60-летию Октября наша гвоздика зацветет у памятника Ленину, на кургане Славы, на братской партизанской могиле...

Света Журенко

пос. Ружаны,
Брестская область





Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвьяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачно, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...

ФЕДОР ТЮТЧЕВ

Осинный „мед“

Пробираюсь угористым берегом речки Крутишки, заглядываю в темные омуты, где караулят щуки лягушек. И вдруг вижу: впереди меня лисица трусит. Не съта, видать, коли днем промышляет, и увлечена до того — человека не чует и не слышит. А ее, рыжую, далеко видно.

Отвлекся от воды и любопытствую, чем займется теперь лисица. Вот загустевший хвост косынкой вскинула — и ну рыть. Земля пригоршнями полетела под горку, будто кто-то лопатой кидает, а не лисьи лапки, похожие на женские руки, испачканные черноземом, ее скребут. Несдобровать мышке, угодит на завтрак лисице.

Остановился я и поджидаю, когда она изловит мышку, натешится-наиграется, цапнет аппетитно и дальше побегит. Повозилась лисица с норкой, чихнула и, отряхивая лукавую физиономию, тронулась вперед. Потом снова за работу, да с таким азартом, хоть сам беги и вместе с ней раскапывай дернину.

Скрылась лиса за поворотом, и тогда я пошел туда, где усердничала она. Может, и не съела мышку, а закопала на черный день. Такие кладовые находили мы у лисиц частенько: то из мышей или лягушек, а то и из дохлой курицы, уворованной с птичника.

Достиг первой разрытой норки. Что это? Никак серая оберточная бумага, изорванная на клочья!

Нет, не бумага, полинявшая от солнца и дождя, а остатки гнезда полосатых ос. Самих жильцов нет, еле еле одну мертвую осу нашел. У следующего покопа лежат пустые осиные соты; на стенках третьей норки — порванные бумажные мешочки. Старые гнезда лиса не тронула, а нынешние с осами все перешерстила.

М-да, значит, вон кто осу грабит! Семь гнезд насчитал, пока снова заманили меня омутины. Кто-нибудь тоже наткнется на них и подумает: лиса медом лакомилась. Только какая же она сладкоежка, если иные осы сами воруют пчелиный мед и вовсе не имеют своего? Впрочем, на сладости все падкие.

А может быть, лисица лечится осиным ядом?

В. Юровских

Черемуховые облака

В полдень звонко, весело прошумел теплый майский дождь. Вечером в лесу, над речушкой Налимовкой, начала распускаться черемуха.

Скорее всего до утра такого события люди бы и не заметили. Однако тотчас об этом их известили взбодрившиеся соловьи. «Черемуха — в цвет, а соловей — в голос», — говорят в народе. И впрямь, в эту ночь, как никогда раньше, пернатые музыканты запревели так дружно, звонко, раскатисто, что лес оглох от соловьиных рулад.

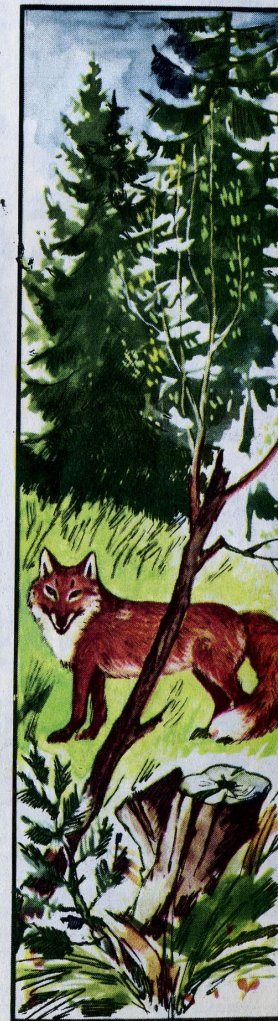
Напевные рожки, дудочки, разливистые колокольцы, стукотня, гогот, свист, щелканье. Несмолкаемый каскад голосов сливался в чарующее благозвучие какого-то неповторимого оркестра. А вокруг, в дремотном сиянии ущербленного месяца, совершалось поистине похожее на сказку преобразование.

Казалось, что в золотистой полумгле, где деревья превратились в черные тени, медленно, почти незаметно поднимались какие-то призрачные паруса, все четче озна-



Рис. В. Федорова

Фото Р. Воронова





чалась диковинные купола из чисто белого мрамора. Тут и там с каждым часом они, как бы изнутри, наливались, полнились светоносной кипенью поднебесного облака, и все до единого запаха в предутренней роще наполнил черемуховый аромат.

К восходу солнца он до отказа насытил воздух, пропитал реку, деревья, травы и был настолько пьянц и крепок, что соловьям стало невмоготу петь. Вот один из них, примостившись в кусте калины, ударил во всю строфу: «Фиф-фиф, вадь-вадь, чо-чо-чо», — и внезапно: «Тр-тр-трыц!» Голос сорвался. Почему? Возможно, пора песен истекла. Отдыхать надо. А может быть, в самом деле дышать тяжело. Непомерное благоухание голову кружит. Горлышко сушит.

П. Стефаров

Возмутилась

Невысоко в кронах деревьев сидело несколько сорок. Увидев меня, затараторили. «Давно знаю, что вы вздорные крикуньи и доносчицы, сплетницы и воровки!» — говорю им. А сам дальше пошел. И вдруг одна из них «залаяла собакой!» Сидевшие рядом товарки ничуть не удивились, а я очень. Знал, что могут сороки и залаять собакой, и закудахтать курицей, и заквакать лягушкой... Но так вот сразу, от неожиданности я был очень удивлен и ошарашен.

А может, сорока была просто вне себя от возмущения? А?

Д. Птахов

Кто посеял лук?

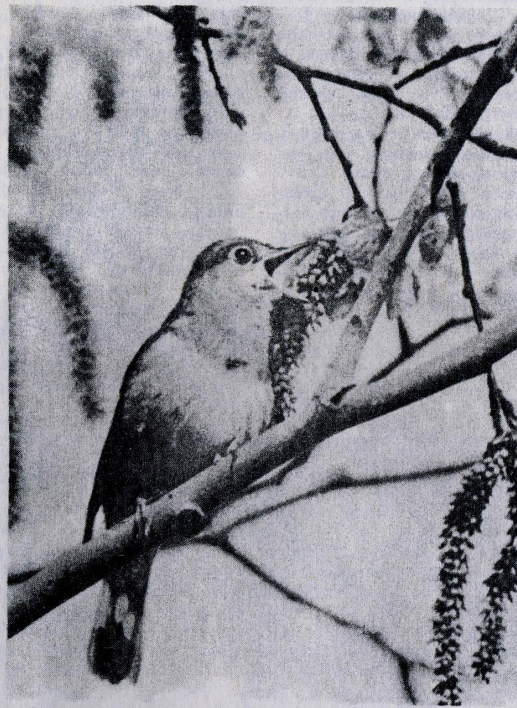
Не знаю, почему, но меня всегда охватывает ребячья безотчетная радость, если среди великого разнотравья я нахожу сочные зеленые стрелки дикого лука. Скорее всего это осталось с детства. Нас, мальчишек, всегда поражало, что лук «убегал» из огорода в поле и рос сам собою. Причем находили мы его очень редко, а что редко, то всегда привлекательно.

Попался мне дикий лучок и на Котуе. Обрадовал не сказано. И решил я поискать еще — вот будет сюрприз к обеду!

Поначалу перья встречались редко, потом пошли погуще. В руке уже поскрипывал хороший пучок, а я все увлекался, рвал и рвал, как вдруг обнаружил, что щиплю лук... с настоящей грядки! Она протянулась ровно, как по линейке! Э-э, да не забрался ли я в чей-то огород? Но чей? Какой дурачок посеет лук за 300 верст от жилья? Разве что Мишка постарался? Шутка шуткой, а грядка-то налицо. Оглядевшись, я заметил — грядки лука протянулись и влево и вправо. Иные были идеально ровные, другие виляли зигзагами.

Разрыл плотную беловатую почву и докопался до истинны. Под тонким, в палец, слоем ила оказалась ровная доломитовая плита. Плита с трещинами. По ним-то и росли грядки дикого лука!

Ю. Чернов



Хозяйственная птица этот знаменитый соловей. Как только весна в роще листву расправит, как только прольются первые дожди, да солнце их высушит, возвращается он из дальних стран — и сразу же забор строить.

Хлопочет соловей по кусту, где лист повернет, где ветку поправит — от недобрых глаз забор ставит. Работает, а между делом поет немного. Только вот незадача, поет-то он лучше, чем строит, даже почти не строит, а только поет. Такой уж у соловья талант, что забор прямо из песни выходит.

Да еще какой забор — перевивчатый, переливчатый, с хрустальными загогулинками. К такому забору можно подойти, но переступить не переступишь, перелезть не перелезешь, да и как через соловинию песнь перелезть — непременно замрешь, заслушаешься.

А соловей поет: От одной зари до другой, а от той — до следующей. Потому что кончи он петь, забор повалится. Так и стоит вокруг куста забор. При лунной заре и при солнечной. А где в том заборе калиточка, про то одна соловыха знает.

В. Борисов



ступлением сумерек нежная изумрудная поросль покрывается росой — предвещницей нового погожего дня.

У глухарей, рябчиков и тетеревов самки приступают к насиживанию кладок яиц и забывают об опасности. Спустя три недели после начала насиживания в гнездах рябчиков появляются пуховички, которые начинают бегать сразу же в день своего рождения. Первое время малыши растут медленно, имея от роду несколько дней, уже пытаются перепархивать! Во время похода в лес с собакой ни в коем случае нельзя оставлять ее без присмотра —

огромный вред может она нанести обитателям леса, утратившим в эту пору свойственную им осторожность.

Появляется потомство у лосей. Часто у лосих рождается по два лосенка. Первое время их тонкие ножки никак не слушаются, подгибаются; Вот и скулят жалобно длинноногий, совсем пощенячьи, выражая свой страх перед шумящими на ветру соснами и скрипучими дубами. Но проходит дней десять — и не узнать беспомощных лосят. Вспугнутая человеком или собакой лосиха спешит увести с собой хотя бы одного дете-

ныша. Второй при этом обычно затаивается. Никогда не следует его забирать, думая, что он брошен матерью. Без практических навыков найденыша не выходишь. Заметив лежащего в зарослях лосенка, надо тихо удалиться. Мать обязательно отыщет свое отставшее чадо и уведет в спасительную чащу.

В засушливых степях и пустынях наступает трудная пора. Пустыни начинают оправдывать свое название — под знойным солнцем выгорают травы, животные выходят на водопой и кормежку только в ночные часы. Стада древних антилоп — сайгаков продвигаются в более северные районы, и здесь на излюбленных участках, в так называемых «родильных домах»,

у них происходит отел. Обзаводятся потомством и дзерены, а у джейранов молодежь уже подрастает. Появляются ягнята и различных горных козлов и баранов. Одновременно размножаются и их злейшие враги — снежные барсы, в логове которых копошатся два-четыре слепых, беспомощных котенка.

Наши далекие предки май называли травнем, так как в этом месяце трава буйно идет в рост по всей Центральной России. А вы когда-нибудь слышали, как растет трава? Если нет, то в погожий и обязательно безветренный день расположитесь на сухой лесной поляне и прислушайтесь. Вскоре вы сможете различить легкое шуршание, словно у самых ваших ног бе-

гает мышенок. Это трава. Она растет так быстро, что прикрывающие ее сухие прошлогодние листья поднимаются и потрескивают.

Не поленитесь пойти в лес, и вы приобщитесь ко многим другим его тайнам, а ваш дневник обогатится рядом интересных наблюдений. Кстати, русская фенология — наука о сезонном развитии живой природы — берет свое начало с мая 1721 года. Тогда Петр I писал Меншикову: «Когда деревья станут раскидываться, тогда велите присылать нам листочки иных понеделно, наклеив на бумагу с подписанием чисел, дабы узнать, где ранее намечалась весна».

А. Калецкий,
кандидат биологических наук

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Клен остролистный

Сокодвижение у остролистного клена фенологи считают началом первого периода весны. Оно приходится в среднем на 25 марта. И лишь в начале апреля приходит время сокодвижения у берез. Ток воды растворяет запасенные углеводы в клетках, сок направляется вверх по стволу к спящим почкам, и они начинают разворачивать бутоны и листья. Кленовый сок чуть слаще березового, в нем 2—3 процента сахара (в березовом 1,5 процента). У американских сахароносных кленов сахара около 4 процентов, и этого уже достаточно для промышленной обработки. При сгущении сок темнеет, приобретает коричневый цвет. Хотя он и становится приторным, хочется попробовать его еще и еще — так он приятен. В Канаде, Стране кленового листа, такой сироп делают, например, из клена сахаристого и клена серебристого. Сок кленов имеет противогрибковые свойства.

Наш остролистный клен зацветает только в апреле—мае. Желто-зеленые некруп-

ные цветки собраны в рыхлые соцветия, они появляются из почек раньше листьев. Чашелистики и лепестки в цветках примерно одинаковой длины. Цветки на разных деревьях могут быть разными: только тычиночными, только пестичными или же и с тычинками и с пестиками. Но встречаются и деревья со всеми тремя сортами цветков вместе. Такие факты объясняют обычно приспособлением к перекрестному опылению. Считается, что у кленов в настоящее время происходит переход от насекомоопыления к ветроопылению. Наверное, точнее было бы сказать, что клены используют преимущества и того и другого способа опыления для большей надежности, ведь весной так трудно надеяться на погоду. Поэтому и цветки появляются раньше листьев, и пыльцы много, и на нектарном диске выделяется нектар.

Все клены — хорошие медоносы. Один из наиболее продуктивных среди них — наш остролистный клен, который дает пчелам нектар и пыльцу весной, когда еще мало цветущих растений. В середине нектарного диска в цветке видно зеленое двурогое рыльце пестика. Оно еще совсем маленькое, но уже похоже на будущий плод клена. Двойные крылатки созревают и опадают осенью, разделяясь на два плодика. Уже ранней весной они начинают прорастать: на тающем снегу можно найти крылатки с чуть высунувшимся крючковатым белым корешком. Но актив-

но они растут только после стаяния снега. Тогда под деревьями появляется много проростков с удлиненными зелеными семядолями и первыми листьями в виде клена. Остролистный клен не образует чистых зарослей. В наших лесах он сопутствует дубу и ясеню, являясь одним из элементов широколиственного леса. Остролистный клен встречается от Кавказа до Ленинградской области на север и до Урала на восток. К югу от Оки к нему присоединяются клены полевой и татарский, а на Украине клен ложноплатановый (явор). Много кленов на Кавказе и Дальнем Востоке.

Наш клен очень теневынослив. Листья его на черешках разной длины образуют так называемую листовую мозаику. Если посмотреть на ветку сверху, можно

заметить, что острые концы одного листа размещаются в вырезах другого. Листья не загораживают друг друга, улавливая максимум света. Такое приспособление есть и у плюща, липы, дуба и других растений. Листва кленов особенно красива осенью, когда окрашивается в теплые золотые и багряные тона.

Всего в мире 150 видов клена, 45 из них ввезены в СССР. Все они, как и 25 диких видов кленов в СССР, ценные в хозяйственном отношении.

Наш остролистный клен называют еще обыкновенным кленом. Но точный перевод его латинского названия «ацер платановидес» — «клен платановидный». Слово «ацер» происходит от греческого «акрос», что значит острый.

К. Глазунова



МОЯ РОДИНА
СССР



СВИДЕТЕЛИ
ДРЕВНИХ ЭПОХ

Мы плывем в лодке между обрывистыми лесистыми берегами. То тут, то там с деревьев поднимаются птицы и скользят в синеве неба. Пожалуй, лишь зимородок, первый птичий рыболов, не обращает на нас ни малейшего внимания. Иногда щука выскочит из воды или жерех на отмели ударит хвостом. И снова на реке тихо. Петляет, выпрямляется, сужается, расширяется Хопер. Еще один поворот, и лодка ткнулась в песчаную косу.

— До озера недалеко, — сказала Наталья Николаевна Кузнецова, научный сотрудник Хоперского заповедника, — так что наберитесь терпения, скоро увидим выхухоль. В наших местах это обычный зверь. Их живет здесь около двух тысяч.

Ждать пришлось недолго. Среди бубенцов белых лилий на воде зашевелился темный пушистый комочек. Это была выхухоль. Ловко лавируя между листьями кувшинок, зверек плыл к берегу. И вдруг неожиданно исчез — нырнул в темную озерную воду.

— Вероятно, нас заметил, а может быть, время обеда подошло, — заметила Наталья Николаевна. — Выхухоль в воде чувствует себя как рыба. Ее стол — илистое дно. Там она роется в поисках добычи — корневищ растений, моллюсков, перловиц, пиявок. Случается, и рыбку поймает. Всплывать на поверхность зверьку необязательно. Он может выставить из воды свой длинный нос, вздохнуть и снова на дно опуститься. И такие погружения длятся минут до десяти. В воде выхухоль находится долго. Холод ей не страшен. Волоски ее шубки на концах расширяются, ложась один на другой. Они, будто скафандр, закрывают тело зверька. Вылезет из воды, отряхнется, непременно расчесает лапкой шубу — и вновь суха.

Не надо огорчаться, мы еще

не раз встретим хохулю, — успокоила Кузнецова. — Кстати, на центральной усадьбе в заповеднике имеется целое опытное выхухольное хозяйство.

Мы пошли туда.

Недавно на берегу Хопра вырос дом с клетками и бассейнами — это выхухольные квартиры. Здесь уче-



ные изучают жизнь зверька в неволе. И надо сказать, что уже добились немало. В хозяйстве есть звери-долгожители, хотя до этого эксперимента считалось, что выхухоль жить в неволе не может.

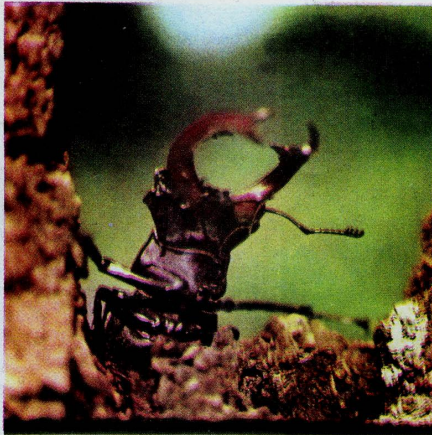
— Вон плавают хохуля...

Мы нагнулись над бассейном и начали разглядывать редчайшего зверька, занесенного в Международную Красную книгу.

А он, будто догадавшись, что мы хотим с ним ближе познакомиться, вылез на берег и начал раздирать ракушку. Тут-то мы и рассмотрели как следует живую диковинку.

Внешне хохуля напоминает земле-

ройку или крота, но больше всего похожа, как ни странно, на ежа. Только вместо колючек у нее густой шелковистый мех. Темно-каштановый на спине, серебристо-серый на брюшке. Хвост у хохули покрыт чешуей, на лапах перепонки: на передних небольшие, а задние почти пол-



ностью затянуты ими. Вместо носа у выхухоли длинный хоботок. Вся ее жизнь связана с водой, поэтому таких животных, как выхухоль, ученые называют «амфибионтами». Несмотря на то, что хохуля прекрасно плавает, она иногда попадает «на обед» к крупным сомам, щукам, хищным птицам.

Миллионов тридцать лет назад, во время мамонтов, динозавров, ящеров, по соседству с гигантами обитали эти маленькие зверьки. Их было много. Они населяли почти всю Европу.

Шли тысячелетия, летели века. Менялся на земле климат. Животный мир стал иным. Исчезли громадные звери, а выхухоли остались. Правда, и их семейство поредело. До наших дней дожили только два вида — пиренейская выхухоль и русская. Пиренейская не идет в сравне-

ние с нашей ни по размерам — она величиной с мышь, ни по ценности меха. Русская выхухоль стоит на одной ступени с пушными королями: соболем, выдрой, бобром.

Хохуля сохранилась лишь в бассейнах рек Центральной России, где еще лет сто назад зверьков было так много, что лошади не могли пить воду из озер, стариц, затонов. Вода сильно пахла ими.

Промысел ценного пушного зверя был доходным и простым. Крестьяне ловили его вентерями, рыболовными сетями и другими снастями. Возы со шкурками выхухолей отправляли в города. И в результате такого необузданного промысла хохуля почти всюду исчезла.

В 30-х годах несколько выхухольевых семей обнаружили вблизи Воронежа. Для их охраны создали специальный Хоперский заповедник.

За годы его существования ареал обитания зверька значительно расширился. Выхухоль с Хопра завезли в места, где жили ее предки. Появилась она и за Уралом, в бассейне Оби. Ученые считают, что в нашей стране сейчас около пятидесяти тысяч выхухолей. И тем не менее тревога за ее судьбу не прошла.

Для того чтобы сохранить выхухоль, надо прежде всего хорошо знать ее образ жизни. А вопросов тут возникает множество. Почему в одних водоемах ее много, а в соседних совсем нет? Какую пищу предпочитают зверьки? Можно ли разводить их на специальных фермах? На эти и другие вопросы ищут ответы ученые-биологи.

В один из дней мы ехали над обрывистым Хопром. Где-то внизу заметили большое озеро. Мы спустились к берегу и увидели лодку с сотрудниками заповедника.

Они то и дело бросали в воду большую сетку. Потом поднимали ее, выбирали растения, укладывали их на корме, что-то записывали и

отплывали на несколько метров в сторону. Оказалось, сотрудники заповедника занимались картированием растительности озера. Это даст возможность изучить кормовые запасы водоемов и определить любимое меню выхухолей. Питание зверька — один из наиболее важных вопросов в трудной, но не безнадежной работе по их разведению в неволе. Ведь совсем недавно ученые научились получать потомство в специальных хозяйствах у соболей и бобров. Это дало возможность сохранить и на века продлить жизнь редких животных. Кстати, в Хоперском заповеднике прекрасно чувствуют себя бобры, зубры, пятнистые олени.

Разнообразна жизнь в заповедных угодьях: богат набор растений, удивителен мир пернатых, обильны семейства насекомых. Все это важно сохранить и приумножить. А следовательно, нужно еще и хорошо знать.

Редкий поход по заповеднику обходится без встреч с оленем-цветком, так иногда называют пятнистых оле-



ней. Сверкнет он солнечными пятнами между деревьев и кустов — и след простыл. Или уставится на человека. Близко подпустит: смотри, мол, любуйся, какой я красивый, и вдруг моментально скроется в лесной чаще. Только останется на влажном песке коврик, разрисованный оленьими копытами. А рядом еще чьи-то рисунки — следы животных. Приглядишься внимательно — заметишь визитную карточку свидетеля древних эпох — выхухоли, едва заметную цепочку, сплетенную из маленьких вееров. Вероятно, так же оставляла она ее рядом с громадными следами мамонта.

И. Константинов
Фото автора





ВСТРЕЧИ С ЖУРАВЛЯМИ

Впервые я увидел журавлей, когда мне было одиннадцать лет. Я жил тогда почти в самом центре западносибирской тайги, недалеко от истоков реки Конды, у озера Туман.

В один из солнечных дней осени 1942 года я стоял на берегу озера и вдруг услышал позади себя какое-то неторопливое и сладкозвучное курлыкание. Оглянувшись, на небольшой высоте в мою сторону летели крупные белые птицы с черными концами крыльев. Солнце просвечивало сквозь их перья, крылья изгибались так плавно и мягко, словно были без костей. Замерев, я провожал птиц взглядом,

пока они не растаяли в блеклой синеве над озером. Разве мог я тогда знать, что это были редчайшие журавли — стерхи, что вместе с двумя другими видами белых журавлей: американским и японским — они будут внесены в Красную книгу, в печальные списки исчезающих животных.

Восемь лет спустя о журавлях мне рассказывал известный воспитатель юных натуралистов — Петр Петрович Смолин. Я узнал, что стерхи гнездятся лишь у нас в Сибири, а зимуют в Индии, что все меньше журавлей остается на земле, потому что все меньше остается тех мест, где мо-

гут гнездиться эти птицы. Прошло еще несколько лет. Я работал в заповеднике на Шошинском плёсе Московского моря. Там мне и удалось ближе познакомиться с журавлями.

Есть в северной части Шошинского плёса почти недоступные для человека заболоченные места. Среди зарослей тростников, телореза и вахты ни проплыть на лодке, ни пройти пешком. Но именно оттуда весной и осенью доносились до меня звуки журавлиных зорь. Казалось, какие-то дальние гористы приветствовали торжественной мелодией восход солнца. Слышались в ней и серебряные трубы,

и звон литавр. Именно с той, «заморской» стороны появлялись летящие журавли. В конце августа — начале сентября они тренировали молодежь, да и сами устраивали для себя нечто вроде разминки: переговариваясь на лету, долго кружили иногда над самым поселком. Обычно в конце сентября они улетали, и я с грустью провожал высоко пролетавшие стройные треугольники журавлиных стай.

Как-то в конце августа я шел по одному из самых больших островов Шошинского плёса. Слева от меня тянулась сплошная стена тростников, которая оканчивалась углом, и, едва я дошел до этого угла, как из-за него буквально в десяти метрах от меня поднялись шесть серых журавлей. Я не только услышал тяжелый шелест крыльев, меня даже обдало ветром, поднятым их испуганным взлетом. Тогда я и решил во что бы то ни стало добраться следующей весной до их гнездовий.

Весеннее половодье было коротким и вялым. Вода поднялась ниже обычного уровня, и в топях, хотя и с трудом, можно было прой-

ти от острова к острову. Я облюбовал один из небольших островков и с бутра начал внимательно рассматривать в бинокль окрестности.

Цвела нежная бело-розовая вахта. Ближе к открытым плёсам нескончаемо шумела колония речных чаек. Обезумевшие от весны и солнца селезни группами преследовали случайно появляющихся уток.

Не сразу, но я все-таки отыскал среди молодой зелени и серо-желтой прошлогодней травы пару мирно пасущихся журавлей. Они постепенно и грациозно вышагивали по топи, временами останавливались и что-то выскивали в траве. Но вскоре один из журавлей, пригнувшись, направился куда-то в сторону. Сначала я видел только его спину, а потом и ее потерял из виду: журавль скрытно ушел к своему гнезду, которое мне так и не удалось обнаружить (гнездо серого журавля похоже на возвышающуюся над водой копну).

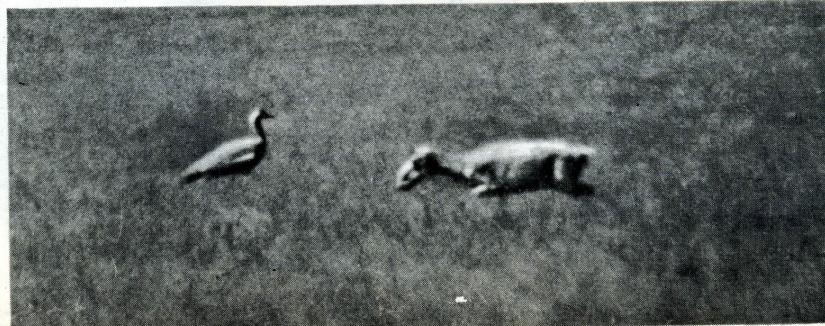
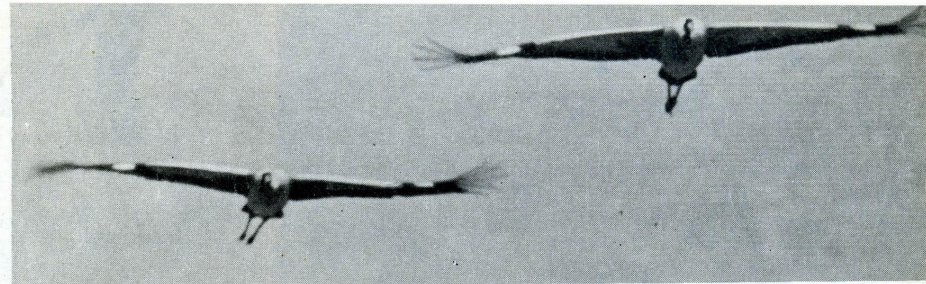
Однажды, спустя почти месяц, я заметил рядом с журавлями-родителями едва поднимавшуюся из травы голову журавленка. На сво-

их несуразно длинных ногах-ходулях он легко шел по топи, перешагивая кочки и коряги, а там, где встречалась глубокая открытая вода, переплывал ее, следуя примеру взрослых птиц.

На этом я вынужден был прекратить наблюдения. Но по счастливому совпадению у одного из егерей заповедника оказался ручной журавленок. В начале августа его оперение было уже почти как у взрослых птиц, лишь голова и шея еще не имели их окраски, да и крылья не отросли настолько, чтобы он смог подняться в воздух.

Журавленок этот жил на острове, во дворе егеря. Он знал всех членов его семьи, осторожно относился к собакам и совсем не доверял незнакомым людям. Зато среди домашних птиц — кур и уток — чувствовал себя не только своим, но и самым главным. И не зря. Однажды при мне он живо успокоил драчливых петухов, долбанув их по спине своим большим клювом.

Особенно привязался журавленок к выкормившей его двенадцатилетней дочери егеря. Он ходил за ней по пятам всюду и даже





играл с ней в журавлиные танцы. Это было удивительное зрелище. Худенькая девочка в коротенькой юбочке подпрыгивала, вскидывала руки, и тогда журавленок начинал танцевать. Он кланялся, запрокидывал голову и взмахивал крыльями. А я, такая досада, еще не занимался фотографией!

Следующая встреча с журавлями произошла у меня в мае 1974 года в полупустынях Калмыкии. Изящные, с золотящимися от солнца пучками перьев на голове журавли-красавки уже разбились на пары, и было удивительно видеть их не среди полей или болот, а на серебристо-сером фоне полыни рядом с пасущимися сайгаками. Одна пара красавок особенно долго привлекала мое внимание, и я решил подойти к птицам поближе. Тогда они, согнувшись, начали отходить в сторону так же, как серые журавли, но только здесь, среди едва поднимающейся над песками полыни, это выглядело смешно. Гнезда у красавок не было совсем. Одно яйцо лежало прямо на песке. На память об этой встрече у меня остались две фотографии: журавль-красавка недалеко от сайгака и яйцо красавки на песке.

Наконец осенью 1976 года в одном из подмосковных совхозов близ Талдома мне посчастливилось встретиться с необычно большим скоплением серых журавлей. Я ехал на машине в конто-

ру совхоза и вдруг в поле, слева от дороги, увидел огромную стаю каких-то крупных птиц. Я остановил машину и навел на птиц бинокль. Каково же было мое удивление, когда я понял, что это журавли! Не в Африке и не среди необозримых болот Сибири, а всего в 140 километрах от Москвы перед моим изумленным взором на убранном пшеничном поле паслось не менее тысячи этих птиц. Ну, конечно, я лишился косяка. Каждое утро вставал затемно и, вооружившись фотоаппаратом, отправлялся в поля и перелески на встречу с журавлями. Увы, в моем распоряжении было всего два с половиной часа до начала рабочего дня. Я возвращался к завтраку почти по пояс мокрый от утренней росы. Вечером после работы снова уходил в поля, недосыпал, уставал, но, наверное, счастливее меня в эти дни не было человека.

В первое утро я замаскировался на краю густой лесополосы у бывшего пшеничного поля. Дождя поехали здесь чисто убрать зерно. Оно и привлекало журавлей.

Я нервничал от нетерпения, а рассвет словно не хотел наступать. Небо было затянуто ровной пеленой облаков, и только на западе неясно расплывалась более светлая полоса. Мне казалось уже, что журавли не прилетят. Я с грустью думал о том, что, очевидно,



вчера их появление в поле было вызвано лишь необходимостью остановиться на отдых во время дальнего перелета. Но вот бесшумно, как тени, неясные, словно призраки, над полем, распластав крылья, проскользнули два журавля. Поднимаясь все выше, они повернули в сторону леса и начали удаляться. Я уж было решил, что они заметили меня, но увидел, как навстречу им из-за темнеющего горизонта, лента за лентой, косяк за косяком стали приближаться стаи величественных птиц. Я услышал их спокойное курлыкание сначала впереди себя, потом сзади, с противоположной стороны, и, боясь напугать птиц, ошеломленный их количеством, плюхнулся прямо в сырую траву под густой ивовой куст. Что тут началось! Надо мной, над полем

шумели и даже слегка взвели могучие крылья. Призывному курлыканию уже севших птиц отвечали подлетающие стаи, и я впервые так близко услышал журавлиную зарю. Вытянув шею и запрокинув голову, один из журавлей издавал протяжный и сильный звук: «Г-р-л-а-н-н!» Тотчас этот звук подхватывали другие и выкрикивали его несколько раз все короче и тише. «Г-р-л-а-н-н!» Г-р-лани! Грлани! — звонко трубили птицы, и откуда-то издали еще не прилетевшие на это поле журавли отвечали трубными звуками той же торжественной зари.

Фотографировать я еще не мог: не хватало света. Наверное, это было к лучшему, иначе я испугал бы птиц.

Журавли все летели и летели. Вот, словно взявшись за руки, прошумев прямо



надо мной, на поле опустилась журавлиная семья: папа, мама и цыпленок. У журавленка цыпленок тельце, и он раньше родителей, наверное, еще боясь приземлиться, свесил, планируя, длинные тонкие ножки.

Только минут через двадцать птицы успокоились и начали сосредоточенно выискивать среди желтой стерни опавшие пшеничные зерна. Теперь, когда они нагнули к земле свои длинные шеи, их огромную стаю можно было принять за большую стару овец.

В последующие дни я много раз наблюдал, что не только по утрам, но и днем во время перелетов с поля на поле журавли выслали вперед одного-двух разведчиков, и даже, когда чем-то напуганные, улетали все сразу, на новое место садились не одновременно. Кормились птицы весь день, и, если не садились на стерню, корм отыскивали среди свежей пахоты и на сенокосных лугах. Время от времени в разных местах большой стаи то одна, то другая птица вытягивала шею и оглядывалась по сторонам, и получалось, что стая ни минуты не оставалась без сторожей. Идущего человека журавли подпускали не ближе ста пятидесяти метров,

а на тракторе к ним можно было подъехать метров на пятьдесят. Днем, когда в поле работало много техники, огромная стая распалась на несколько более мелких стай, и все птицы широко разлетались по окрестностям. Но стоило окончиться рабочему дню, журавли снова собирались на одном из пшеничных полей. После захода солнца небольшими группами и стаями они улетали ночевать куда-то на еще сохранившиеся в Талдомском районе лесные болота.

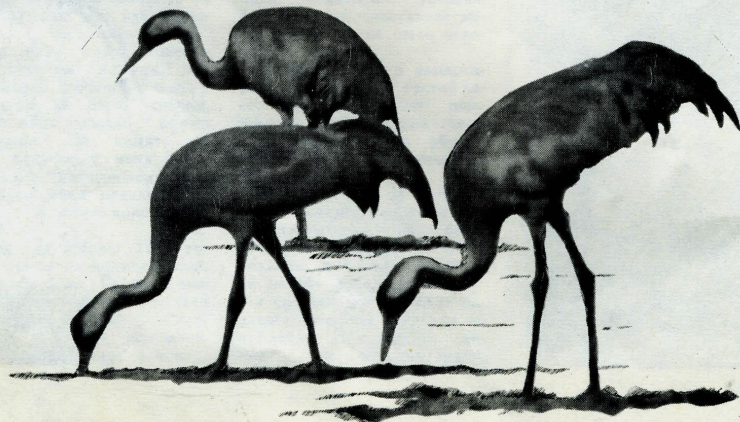
Всю неделю ходил я на свидания с журавлями, которых считал уже своими. И был вознагражден: мне посчастливилось приблизиться к птицам буквально метров на десять, используя как прикрытие прошлогодний осевший и пахнувший плесенью стог. Я заполз на него, положил прямо на seno фотоаппарат, и журавли едва уместились в кадр. Я фотографировал их сидящих, потом взлетающих, а когда скатился со стога в высокую траву, птицы из любопытства стая за стаяй начали кругами планировать надо мной. Словно по команде, они одновременно распластывали крылья и не летели, не парили, а проплывали в небесной синеве,

словно окрыленные стрелы или парусники в море. Так вот почему журавлей любят люди! Не за величину, не за красоту и даже не за голода, то грустные, то торжественные, а, я уверен теперь, — за полет, за пластичные взмахи возносящихся в небо огромных крыльев. Этот полет, это плавание в небе устремленных вдаль журавлиных стай люди воспринимают как символ сплоченности и свободы.

Прошла зима. Юго-западный ветер нес над Москвой низкие облака. Я вышел из дома и вдруг услышал где-то над собой курлыкание журавлей. Мне даже не поверилось: вряд ли они могли залететь почти в центр столицы. Я решил, что у меня слуховые галлюцинации. Но курлыкание послышалось ближе, и я увидел между домами журавлиный клин. Я смотрел на птиц словно со дна колодца, а они сначала кружили под облаками, потом решительно повернули на север и скрылись из поля моего зрения, и только приветное курлыкание звучало в моих ушах.

«Здравствуйте, мои милые журавли! С прилетом в родные края!»

Р. Дормидонтов
Фото автора



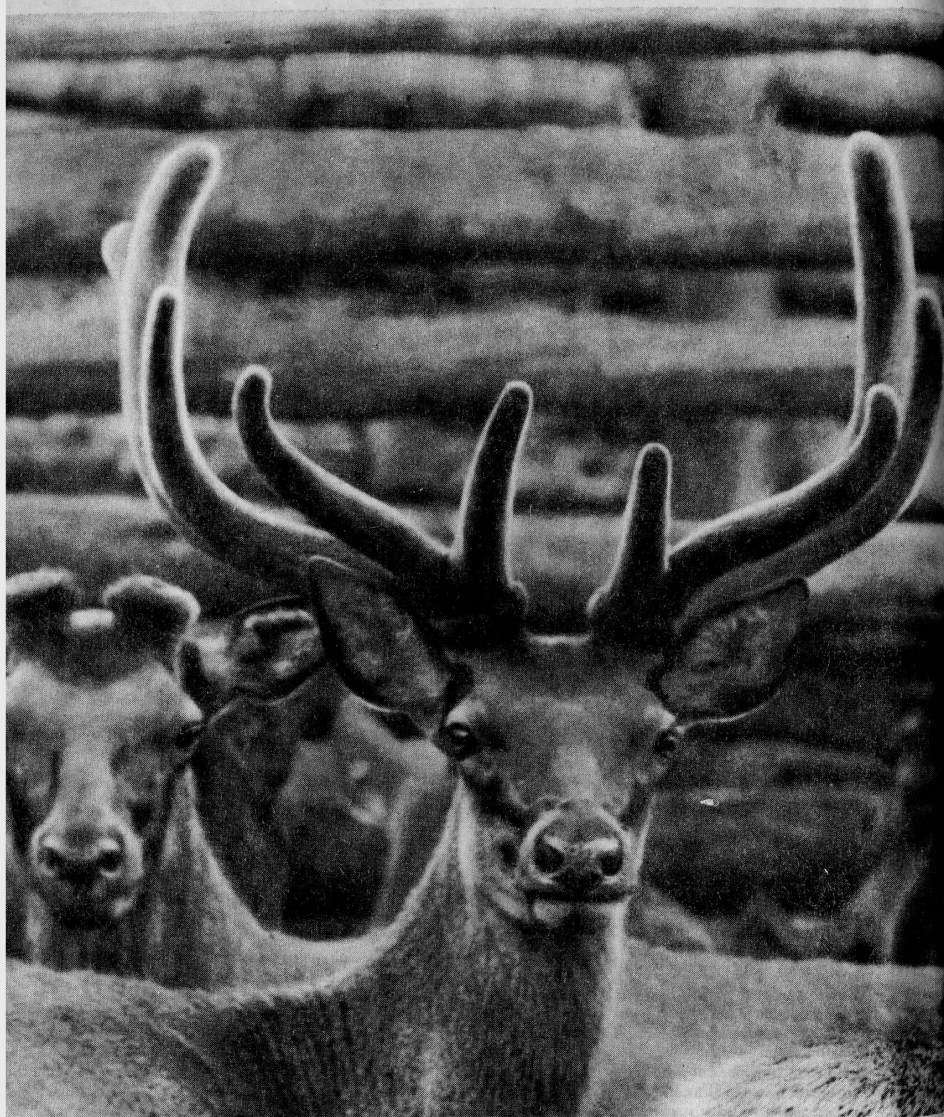
Полоскуном этого енота назвали за то, что все съедобное, прежде чем отправить в рот, он тщательно моет и полощет в воде. Повятно, если нужно смыть песчинки, прилипшие к лягушке, рыбешке или раку, пойманных на берегу речки. А какая надобность полоскать кукурузный початок или тем более кусочек сахара, который, к удивлению енота, исчезает в ладошках, не ясно.

Еноты-полоскуны едят все, что попало. Их меню разнообразится рыбой, мелкими зверьками и птицами, ягодами, орехами, семенами. Прекрасный аппетит и безмерное любопытство приводят енотов и к мусорным кучам, где они не прочь порыться. Эта всеядность дает возможность продвигать этим зверькам, несмотря на постоянное преследование охотников. Пушистыми красивыми шкурками енотов в давние времена в Америке расплачивались вместо денег.

Хотя родом енот-полоскун из Северной и Центральной Америки, теперь его можно встретить не только там. Енот расселился либо добровольно, сбегав из звероводческих ферм, либо принудительно при акклиматизации. У нас енота выпустили в Белоруссии, в Краснодарском и Ставропольском краях, Узбекистане, Киргизии, Азербайджане, Дагестане.

Этих симпатичных зверьков иногда можно встретить возле водоемов. А если то будет самка с маленькими, возможно, посчастливилось увидеть их первое знакомство с миром.

Еноты относятся к тем зверям, которые не оставляют в беде осиротевших малышей, усыновляют их с большой охотой, хотя учить уму-разуму и отводить беду от несмышленьей приходится лишь самке: самцы-еноты не любят сидеть на одном месте.



БАЛЬЗАМ АЛТАЯ

Алтай напоминает модель Кавказа в уполовинном масштабе. В гребенке убеленных снегами хребтов при желании можно легко усмотреть пики, похожие очертаниями и на Эльбрус, и на Ушбу, и на Казбек. Так же полкой, вырубленной в склоне, вьется дорога над пенистой, гремущей камнями рекой. Бежит не замерзающая и на тридцатиградусном морозе Катунь. Бежит, повторяя изгибы реки, асфальтовая лента знаменитого Чуйского тракта, а по нему трайлеры с лесом, рудовозы, цистерны с бензином и молоком, комфортабельные рейсовые автобусы, связывающие старинный сибирский город Бийск с молодым Горно-Алтайском — центром Горно-Алтайской автономной области.

Алтай богат. В его недрах — редкие и цветные металлы. В кедровой и лиственной тайге — самое разнообразное четвероногое и пернатое население: бурый медведь и соболь, белка и косуля, куропатка и глухарь. В реках водится «форель сибирских рек» — быстрый, как молния, хариус.

А выше лесов простираются альпийские луга. По весне зацветают они маками и ирисами, а летом их сменяют фиалки, орхидеи и дикие пионы. По крутым берегам чистейшего Телецкого озера стелется изумрудный ковер с белыми и розовыми чашечками рододендронов, словно изваянными из фарфора. Растет на Алтае еще золотой корень, который ученые называют родиола розовая. Обладает этот корень целебной силой, до конца не разгаданной.

Главный герой многих алтайских сказаний — марал, пантовый олень. Умное, благородное животное. О нем, настоящем хозяине алтайской тайги, мне и хочется рассказать.

Оленя, где бы он ни жил — в прикарпатских широколиственных лесах, в Уссурийской тайге, на склонах Алтая, — с другими животными не спутаешь. Нетрудно догадаться, в чем его отличие. Конечно, в мощных ветвистых рогах. Подобно изящному деревцу, выросли чудо-рога на голове зверя, придавая ему прямо-таки сказочный вид! Но рога оленей замечательны и другим. Их звери ежегодно сбрасывают, и за несколько месяцев они отрастают вновь. В молодых неокрепших рогах большинства оленей — пантах — содержится чудодейственной силы средство. Из него делают ценнейшее лекарство — пантокрин. Больше всего чудо-вещества содержится в молодых рогах пятнистых оленей и маралов.

Пантокрин оказывает благотворное действие на человеческий организм, повышает его тонус. Пантокрин применяют при на-

рушении обмена веществ, истощении нервной системы, туберкулезе. В состав экстракта пантокрина входит более двадцати различных микроэлементов, и все 22 аминокислоты, из которых строятся белки человеческого организма.

О силе препарата люди знают не один век. И не один век из-за этого на маралов и пятнистых оленей велась безжалостная охота. Отпилив неокрепшие рога и бросив тушу, охотник спешил дальше, преследуя стадо. При этом он старался убить животное с самыми крупными и красивыми рогами. За крупные панты платили больше, и не чем-нибудь — золотом! Такой «отбор» не мог не сказаться на потомстве: наиболее сильные животные в продолжении рода не участвовали. Олени стали мельчать.

В конце концов люди пришли к выводу, что на маралов не охотиться нужно, а разводить их. Так возникла новая отрасль животноводства — пантовое оленеводство. Но если крупный рогатый скот, лошади, свиньи, овцы, прирученные человеком тысячелетия тому назад, забыли о своих диких нравах и живут бок о бок с людьми, то марал, хотя и содержится сейчас в огороженных пастбищах — парках, все еще остается диким зверем. Еще не одно поколение животных сменится, прежде чем олени станут по-настоящему домашним скотом.

Нелегкое это оказалось дело — разводить маралов в неволе. Ученые, зоотехники, ветврачи и сегодня еще не все знают об образе жизни рогачей. За что ни возьмешься, все загадка, все требует наблюдения, изучения, исследования.

Сколько лет живет марал? Чем болеет? Как загонять животных в станки для срезки неокрепших рогов и чем лечить рану после операции? Чем питать оленя, чтобы в его рогах накапливалось больше целебного вещества? Эти и многие другие вопросы беспокоят ученых.

Моя первая встреча с маралами произошла в Шебалинском оленеводческом совхозе, что в нескольких десятках километров от Горно-Алтайска по Чуйскому тракту. Совхозный поселок с экзотическим названием Дьектиек расположился в распадке между горами, покрытыми лиственным лесом. Уютная, защищенная от ветров долина. Мощные стволы деревьев устремлены в небо.

Совхоз специализируется на разведении маралов и их дальневосточных собратьев — пятнистых оленей. Горный Алтай издревле был поставщиком пантокрина. До революции здесь существовало несколько частных мараловодческих хозяйств. В 1929 году в Шебалине создали заповедник и зверосовхоз.

Пантовое оленеводство имеет теперь прочную научную основу. В Шебалинском совхозе базируется отделение Центральной научно-исследовательской лаборатории пантового оленеводства. Ученые лаборатории разрабатывают методы кормления и содержания животных, исследуют лечебное действие пантокрина.

А все началось с малого — трехсот маралов, которых удалось поймать в тайге.

...Просторные загоны разгорожены толстыми жердинами. Укрепленные горизонтально, они напоминают шведскую гимнастическую стенку трехметровой высоты. Ниже нельзя — маралы отличные прыгуны.

Привязав свою буланую кобылку, поднимаюсь на верхнюю перекладину и сажусь на нее верхом.

Грациозные животные пристально следят выразительными черными глазами за каждым движением незнакомца, выжидают, готовые в любое мгновение сорваться с места. Дикие, ну, конечно, дикие! Щелчок затвора моего фотоаппарата отмечает стадо к задней стенке загона. От удара плотной массы тел трещат бревнышки.

Первый раз маралу спиливают рога в двухлетнем возрасте. За жизнь он подвергается операции до десяти раз.

Из Горного Алтая совсем недавно эта прибыльная отрасль животноводства — олень дает помимо пантов вкусное мясо и пригодную для выделки шкуру — перекочевала на другую сторону хребта — в Рудный Алтай. Там, в одном из крупных хозяйств, мне довелось побывать совсем недавно.

Добираться сюда тоже непросто. Много часов подряд едешь по каменистой горной

дороге, по берегу стремительной Бухтармы. Гортанный говор реки, пробивающийся сквозь рокот мотора, не избавляет от ощущения тишины, окутавшей все вокруг. Холодно сверкают на фоне бездонной сини снежные пики Тарбагатайского хребта. Держим путь в третье отделение Катон-Карагайского маралосовхоза — в поселок Берель. Горы расступаются.

По мосту из мощных лиственниц перебираемся на другую сторону реки. На крепкие столбы натянута проволочная сетка. Изгородь тернется в зарослях.

— Парк, — коротко объясняет главный зоотехник совхоза Назырхан Отыбаев, выпускник Семипалатинского зооветеринарного института, работающий в Катон-Карагайском совхозе пятый год. — До этого с маралами дела не имел, — разводит он руками. — Овцевод. И в институте про маралов не проходили. Помогли старики, потомственные оленеводы. Марал — лесной дикий зверь. И повадки у него иные, чем у домашних животных. У нас ведь не зоопарк, где если зверь жив, бегают, значит, все в порядке. Нам еще продукцию надо сдавать — панты! Так что сначала трудновато было, не скрою.

Проходим сквозь обтянутые той же сеткой ворота. Но где же маралы? Бригадир Кананья Астамбаев качает головой и, чувствуя, что в шутку, произносит со строгостью в голосе:

— Где их теперь искать? Они на кормежку сами приходят сюда утром и вечером. Часы у каждого здесь, — показывает он на голову. — Время никогда не пропустят. А сейчас до ужина полтора часа. Режим нарушим, у них рога плохо вырастут. Ждать будешь вечера или сейчас позвать?

— Позовите, пожалуйста, сейчас, Кананья-ата, — прошу я.

Астамбаев легко вскакивает на коня. Ему подают ведро. Бригадир отбивает ладонями по его одноконному боку дробь и, набрав в грудь побольше воздуха, протяжно кричит:

— Ой, ла-ла-ла...

Земля чуть вздрогнула. И тотчас из-за лиственниц, отбрасывая длинные золотистые тени, возникли распластанные в беге, словно отлитые из бронзы, сильные красивые животные. Мгновение — и мы в кольце маралов.

Рогачи стоят, опустив головы, увенчанные могучими рогами, с которых тонкими лоскутами сходит нежнейшая замша. Бригадир не спеша подбегает к деревянным корытам, высыпает корм. Олени уже забыли о нас. Без суеты, словно каждый знает свое место за обеденным столом, выстраиваются бок о бок, ждут, когда им насыпят еды.

— Мы их всех различаем, — рассказывает бригадир. — Некоторым даже клички дали, и они их знают! Смотри, вон там, у дерева, Журавль. Шея у него длинная. Это, что к нам идет, Борька. Доверчивый, поэтому человеческое имя у него. А там, с краю, гляди, толкается. Бандитом прозвали. У каждого свой характер. Дикие, а глаз да глаз за ними нужен. Кормим тем же, что коров, — сеном, жмыхом, комбикормом. На каждого рогача пять-семь оленух. Так вместе и держатся. Красавцы! Погляди на них! Разве их можно не любить? Им очень больно, когда рога срезаем. Обижаются. Уж мы потом и так и этак, чтоб снова в доверие к ним войти. Зверь на ласку отзывчив, зло быстро забывает. А иначе как

бы он жил? Выносливые. Морозы сильные выдерживают — минус пятьдесят, бегают, играют в снегу.

И по тому, как Кананья Астамбаев рассказывает о маралах, сколько находит для них теплых слов, чувствуется, что оленеводы очень любят этих красивых животных. И маралы чувствуют эту любовь, тянутся к человеку.

Вырастить марала с полноценными пантами — дело хлопотное: принимаются только рога с пятью отростками. Если хотя бы одна «веточка» отломана или подарана, пант выбраковывают. А ведь чтобы срезать рога, надо загнать зверя в станок. Работа эта сопряжена с опасностью, требует от оленевода смелости и сноровки не меньшей, чем у американских ковбоев, обьежающих диких лошадей мустангов.

Десятки всадников гонят стадо в загон. Но не всех оленей подряд, а только тех, у которых созрели панты. В парках отделения содержится более двух тысяч маралов. А всего в оленепарках совхоза пасутся три тысячи маралов и около полутора тысяч пятнистых оленей. Родина первых — Алтай. Вторых завезли с Дальнего Востока, и эти палевые красавцы отлично здесь прижились.

Одного за другим загоняют оленей в станок. Несколько минут, и освобожденный марал, взметнув вверх голову, которая стала вдруг неожиданно легкой, выбегает на свободу и мчаться, ломая кусты, в заросли. Боль стихает постепенно, и вот уже зверь спокойно пасется на знакомой луговине.

Л. Круглов
Рис. В. Есаулова
Фото В. Размахнина





Весенние голоса

Их силуэты напоминают серп луны, в их оперении нет ни одного светлого перышка, полет их чрезвычайно стремителен, а голос — пронзительный визг. Это стрижи. Они последними прилетают в наши края, когда устанавливается теплая погода и масса насекомых носится в воздухе. Стрижи весь день в полете. В воздухе они добывают себе пищу. Целыми колониями селятся птицы под крышами человеческих жилищ. Для того чтобы их увидеть, не нужно совершать длительных экскурсий: они гнездятся даже в больших городах.

На залитом солнцем лугу появилась птица, которая тоже совсем недавно возвратилась в наши края. Это перепел (единственная перелетная птица из куриных). Птицу вы вряд ли увидите, но голос ее услышите: из травы будет раздаваться звучное «подь-полоть — подь-полоть». Сначала перепел кричит только по утренним зорям, но в середине мая самцы поют почти круглые сутки. Среди густой травы на земле самка построит гнездо и выведет птенцов.

Если выйти к лесной реке, поросшей ивняном, или на заливной луг с кустами черемухи и шиповника, где маленькие озера перемежаются с густым кустарником, то можно услышать самого замечательного певца нашей природы — соловья. Он забирается в густые заросли, иногда совсем невысоко над землей и начинает петь. Погода не имеет для него значения: в мае соловей поет круглые сутки. Где-то посреди кустов

Здравствуйте, это я! Почемучка из Клуба Почемучек.

И если я появился на этой страничке журнала, пора начинать заседание. Прошу быть особенно внимательными. Впереди лето — время путешествий и приключений. Горячая пора для всех Почемучек, особенно лескоров.

Недавно лесные корреспонденты получили весеннее задание. Как вы с ним справились? Сообщений получено пока мало. Но мы не огорчаемся. Ведь еще идет веселый месяц май, и лескоры, очевидно, проводят свои последние наблюдения. Торопитесь! Наступает лето.

А сейчас готовьте блокноты, лесные корреспонденты, и почтовые сумки, лесные почтальоны.

Ждем ваших сообщений о лесных новостях, о грибных и ягодных местах, о... С чем еще вам следует познакомиться, сказано в очередной главе Книги Природы, которую пишет доктор биологических наук Елена Николаевна Дерим-Оглу.



Рис. В. Карабута

поселился второй соловей, подальше — третий. Чем больше птиц собирается гнездиться, тем разнообразнее и красивее звучат их голоса. Поющий соловей то прижимается к ветке, то вытягивается во весь рост, то расправляет, то складывает свои крылышки. Все его маленькое тельце дрожит. И надо видеть, как во время пения блестят его темные глаза.

А что делается у тихого лесного озера? В мае оно тоже оживило: появились лягушки. Они плавают в разных направлениях, и широкие круги расходятся по воде. Вот лягушка высовывается из воды, и по бокам рта раздуваются большие полупрозрачные пузырьки. Это самцы лягушек начали свои брачные песни, которыми они привлекают самок. Пузырки — это резонаторы, служащие для усиления звуков. Лягушки с серыми или черными резонаторами — озерные. Их голос похож на звук «уорррр, уорррррр». Лягушки с белыми резонаторами, кричащие «коэкс-коэкс», — прудовые.

Почемучки хорошо справились с январским и февральским заданиями. Молодцы!

А вот новые вопросы и задания.

1. Как принято называть весенние крики самцов перепела?

2. Каким видам куликов свойственно интересное токование?

Хотелось бы, чтобы вы написали о своих собственных наблюдениях, а не только то, что вы в книжках прочитали.

3. Какие виды амфибий можно встретить в водоеме в мае?

4. Пришлите собственные наблюдения о жизни муравьев.

5. Следы каких крупных диких животных вы встречали в весеннем лесу и как они выглядят?

А теперь послушайте небольшое объяснение.

При Клубе Почемучек открывается библиотека «Чтение с увлечением». Читатели этой библиотеки не просто читают книги о природе, но и присылают в Клуб викторины, загадки и другие затеи, которые помогли им придумать прочитанная книга.

— Как-то бродил я по лесу и увидел полянку, усыпанную белыми цветочками ландыша. Я обрадовался и набрал букетик.

Каково же было мое удивление, когда мои «ландыши» оказались... А вот как называются цветы, которые я принял за ландыши, я вам не скажу. Догадаться об этом сами.

Поможет вам новый рисунок-загадка нашей изостудии «Кто такой, что «такое?»».

Не забудьте в ответе не только назвать цветок, но и рассказать все, что знаете о нем.

А сейчас я предлагаю вам внимательно отнестись к тому, что советует доктор биологических наук Юрий Петрович Лаптев.



Ландыш

Стройные и необыкновенно прелестные цветы ландыша известны всем. По-латыни ландыш называется «конваллярия майялис», что в переводе на русский означает: «лилия долин, цветущая в мае». На стройной дугообразной стрелке ландыша жемчужные бутоны и нежные белые цветки. После опыления пчелами или шмелями (впрочем, возможно, и самоопыление) появляются зеленые, а потом яркие красно-оранжевые ягоды.

Во всех частях растения содержатся гликозиды сердечного действия. Поэтому препараты из ландыша майского применяют для лечения заболеваний сердечно-сосудистой системы часто в сочетании с препаратами валерианы и боярышника. А в парфюмерной промышленности из растения готовят эссенцию для духов.

В наших лесах с каждым годом все меньше остается ландыша. Уж очень много «любителей» этого растения. Вырывают ландыш с корнем и не думают о том, что на этом месте он уже больше не вырастет. Если так безжалостно будут рвать ландыши в лесах, то мы скоро лишимся этого прекрасного растения.

Советуем вам вырастить ландыш на грядке. Растение это тенелюбивое. Любит влажные, легкие, рыхлые, плодородные почвы.

Размножают ландыш отрезками корневищ (5—8 сантиметров) с хорошо развитыми одной-двумя верхушечными почками. Под посадку вносят торфоперегнойный компост. Высаживают весной или осенью. Корневища заделывают на глубину 3—4 сантиметра, а между рядами оставляют 50—60 сантиметров. В первый год после посадки ландыш почти не цветет. Зато на вторую весну он украсит ваш сад душистыми бубенчиками.

Если выращивать растения семенами, то они зацветают на 3—4-м году жизни. Семена за два месяца до посева нужно стратифицировать. Высевают их рядами и заделывают в лунки на глубину 2 сантиметра. Посев производят с таким расчетом, чтобы растение от растения находилось не ближе 12—15 сантиметров. При необходимости проводят прореживание в рядах.

Ландыши на постоянном месте могут расти много лет.

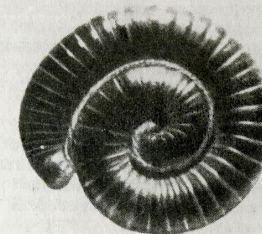
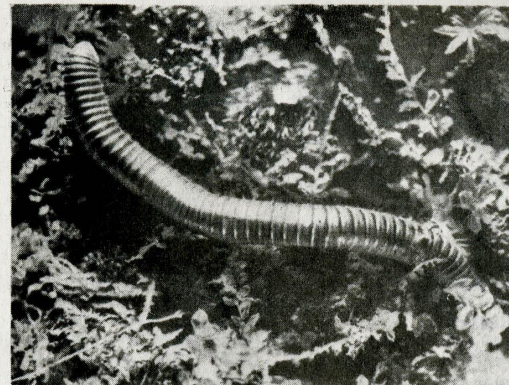


Почемучки! Научным работникам института эволюционной морфологии и экологии животных срочно нужна ваша помощь. Для этого внимательно прочтите задание, которое дает Сергей Ильич Головач. И — за работу!

Не забудьте сообщить о результатах ваших наблюдений по адресу: Москва, В-71, Ленинский проспект, 33. Институт эволюционной морфологии и экологии животных. Лаборатория почвенной зоологии.

Такие разные

Тело диплопод чаще всего твердое, удлиненное. Каждый из многочисленных сегментов несет две пары ног. Поэтому и назвали так этих многоножек. Двигающаяся диплопода напоминает ползущую палочку длиной примерно в один-четыре сантиметра. И как красиво «палочка» ползет! Будто волна пробегает. Не успев исчезнуть одна волна, как набегае другая. Если диплоподу потревожить, животное тут же сворачивается в пестрый шарик, как это дела-



ют многоножки-броненосцы, или спираль, часто выделяя отпугивающий врагов пахучий секрет.

Уж очень они разные, эти диплоподы: бесцветные и почти черные, неяркие и пестрые, слепые и с огромными глазами, твердые и мягкие, малыши и гиганты. Червеобразные, с короткими ножками кивсяки, мокрицеподобные длинноногие броненосцы, слепые длинноусые и длинноногие многосвязы, похожие на четки мохнатые нитеносцы, маленькие мягкие пушистые кистевики. Читатель удивится, узнав, что столь малоизученная группа, как диплоподы, насчитывает около 50 тысяч видов, то есть намного больше, чем рыбы, земноводные, рептилии, птицы и млекопитающие, которые не составляют и 40 тысяч видов, вместе взятые.

Диплоподы — группа очень древняя. Разнообразные внешне, они приспособлены к единому типу среды: лесной подстилке и верхним слоям почвы. Диплоподы влаголюбивы, стараются избегать открытых солнечных лучей, ведут скрытный образ жизни. Поэтому найти диплопод легче всего под опавшими листьями, в плодородных почвах лесов, полей и огородов, под камнями или бревнами, в гнилых колодах, в пещерах, норах, муравейниках.

Надо сказать, что в жарких странах водятся и диплоподы-хищники, хотя в основном эти многоножки питаются гниющими растительными остатками. А поскольку такую пищу можно найти почти везде, диплоподы и распространены очень широко, и встречаются большими массами. Перерабатывая растительные остатки, поедая опавшие листья и ветки, диплоподы способствуют повышению плодородия почв. Перема-

лая и переваривая гнилье, диплоподы тем самым, подобно дождевым червям, облагораживают, обновляют почву, обогащают ее гумусом.

Но есть и вредные диплоподы — кивсяки, которые, питаясь сочными корешками, могут наносить серьезный вред полевому и огородным культурам. Иногда кивсяки, подобно тараканам, поселяются в доме человека, и тогда избавиться от этих довольно вонючих соседей нелегко.

У нас в стране диплоподы привлекают внимание многих ученых: почвоведов и почвенных зоологов прельщает их почвообразующая роль, зоологов-систематиков — возможность открытия новых видов, биогеографов — связи и преемственность животного населения различных местностей, физиологов — механизмы движения, скорость пищеварения, характер роста, растениеводов — их роль как вредителей сельскохозяйственных культур.

Наша Родина столь обширна, что просто невозможно посетить все ее уголки. А ведь диплоподы, как мы видим, такие разные, что наверняка где-нибудь в укромных местах обитают еще неизвестные виды этих многоножек и ждут часа, когда их обкроют, когда они попадут в руки специалистов.

Дорогие юные натуралисты! И вы можете подключиться к поиску. Присылайте в наш институт обитающих в ваших краях диплопод. Прежде чем найти животных, необходимо подготовить небольшую баночку или пузырек с 70-процентным спиртом и плотно пригнанной пробкой, чтобы сохранить материал. Спирт можно заменить и глицерином.

Итак, в поход за диплоподами! Когда будете их искать, не забудьте про от-

личие: каждый сегмент диплоподы имеет две пары ног. Смело берите их в руки, они не кусаются в отличие от родственных им губоногих многоножек, шныряющих в подстилке. Все, на что диплоподы способны, — это окрасить ваши руки пахучим защитным секретом. Идем ваших находок, дорогие друзья!

— Вы слышали, чтобы обыкновенной бабочке поставили памятник? Насекомое вдруг удостоилось такой чести. За что? Не знаете? Я тоже не знаю.

Попросим журналиста М. И. Беленького рассказать нам об этом.

Цена неосторожности

Действительно, такой памятник стоит в австралийской провинции Квинсленд. Воздвигли его благодарные фермеры в честь южноамериканской бабочки — кактусовой огневки. А вот почему они это сделали, об этом стоит рассказать подробнее.

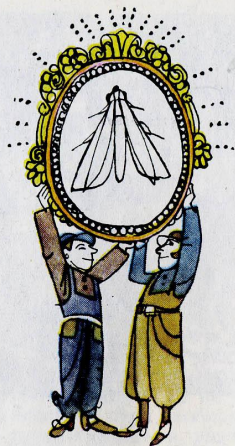
В незаселенную провинцию Австралии Квинсленд приехали первые эмигранты из Мексики. Одна семья захватила с собой из родных мест мексиканский кактус опунцию. Ее посадили возле дома и очень радовались, что кактус прижился. Более того, климат Австралии пришелся опунции по вкусу настолько, что она начала быстро обзаводиться потомством.

Результат превзошел все ожидания. Через десять лет кактус уже покрывал площадь в четыре миллиона гектаров, заповнив пастбища. Не встречая врагов, опунция шла все дальше и дальше.

Чего только не делали австралийские фермеры, чтобы урезонить заморскую гостью. Пытались выжигать опунцию, но кактусы почти не горят. Пробовали выкапывать их, но дело это очень трудоемкое и хлопотное. Наконец из Южной Америки доставили бабочку — кактусовую огневку, чьи гусеницы пожирают опунцию дома. И бабочка избавила австралийцев от колочего нашествия. Опунция отступала все дальше и дальше, пока не очистила занятые территории. А бабочка-огневка, как истинный герой, исчезла со сцены.

В благодарность за подвиг фермеры Квинсленда и поставили ей памятник — единственный в мире памятник бабочке.

К сожалению, не так счастливо окончились истории с «переселением» на новые места жительства другого живот-



ного. В американском штате Флорида каждое лето свирепствует улитка ахатина фулика. Это крупное создание — оно достигает 25 сантиметров в длину — уничтожает посевы, цветущие плантации. Она угрожает даже... городам.

А началось все так. Возвращаясь домой с острова Гаити, где он проводил с мамой лето, пятилетний американский мальчик захватил домой трех симпатичных улиток с пестрыми панцирями на спине. Мама велела ему немедленно выбросить «эту гадость». Мальчик заревел. Но мама решительно взяла улиток кончиками пальцев и выбросила за окно.

Все. Ни сын, ни мама не подозревали, что выпустили на свободу свирепейшего вредителя. Не прошло и года, как он обвел окрестности города Майями, где жил любознательный мальчик. Земляные улитки пожирали траву, цитрусовые, кору деревьев и даже поibelку со стен домов — их организму необходим кальций для строительства панциря.

Все было бы не так плохо, если бы улитка с поразительной скоростью не производила на свет потомство — за год эти три улитки дали почти миллиардный приплод. О последствиях трудно догадаться.

Пока улитка жила в родных местах — в Восточной Африке — о ней писали только в научных справочниках. Улитка вела скромное оседлое существование, поскольку разгуляться ей не давали естественные враги — жабы и другие животные. Но в начале про-

шлого века ее по чистой случайности завезли на острова Маврикий и Реюньон в Индийском океане. Улитка прижилась там. Затем в трюме судна переехала в Индию. Безобидное на вид рогатое существо съело там на корню весь урожай.

Не встречая врагов, улитка распозалась по всему Азиатскому континенту. Она разоряла чайные, банановые и кофейные плантации, не пощадилась ни каучуконосную гевею, ни цитрусовые. В 1938 году японцы, большие любители жареной улитки, завезли ее на Марианские острова. Через десять лет демобилизованные американские солдаты привезли ее на тихоокеанское побережье США. Однако сухой калифорнийский климат пришелся ахатине не по нраву. И все же через 20 лет круглым путем — через остров Гаити — она проникла в Америку, правда, на сей раз на более влажное атлантическое побережье. Чего только не делали, чтобы избавиться от улитки! Объявляли премии за собранные сто килограммов улиток, испытывали на них различные ядохимикаты. В ответ улитки только ехидно шевелили рожками. Из родных мест обитания — Восточной Африки — во Флориду завезли солидную армию ее извечных врагов жаб и жуков. Но те нашли в Америке куда более привлекательных, чем ахатина, на вкус других улиток.

Пока нет эффективного метода борьбы с этой улиткой. Ахатина, по словам известного ученого Жана Дорста, является собой «грустный эффект неосторожного вмешательства человека в биологическую среду».

Такова цена людской неосторожности при «экспорте» животных.

Конечно, многие Почемучки узнали на рисунке, который был помещен в издании на апрельском заседании нашего Клуба, веточку ивы. А вот, какому виду она принадлежит, правильно ответили далеко не все. Ведь в разных местах растут самые различные ивы. В мире их встречается 600 видов.

Ивы различаются по росту, по форме листьев, по сережкам, цвету коры. Большинство наших ив — кустарники. Чаще всего они растут по берегам ручьев, в поймах рек и во время весеннего половодья заливаются водой.

О самой обычной иве — пятитычинковой — ребята написали очень подробно. Правильно, только у этой ивы такие красивые темно-зеленые листья. Но зацветает она не первой.

Весной, когда деревья стоят голые, без листьев, издали хорошо заметны желтые сережки козьей ивы, или ивы бредины, — небольшого дерева 8—10 метров высотой. Помните, еще зимой ее веточки были усажены белыми «барашками». Пушистые волоски, словно шуба, укрывали будущую сережку от мороза. Теперь, весной, ей пришла пора тронуться в рост. Весеннюю веточку козьей ивы и нарисовал художник.

Приглядитесь к иве. На разных деревьях сережки неодинаковы. Ива, как говорят ботаники, растение двудомное. На одних деревьях только мужские, тычинковые, сережки — желтые, пушистые. Из каждого цветка далеко торчат две тычинки, а на концах два пыльника, набитых желтой пылью. Потому и сережки желтыми кажутся. Они очень похожи на сережки березы и лещины, только ярче их, и ива словно золотится на солнце.

Деревца с пестичными, женскими, сережками не выглядят такими нарядными, хотя и их издали заметишь. Цветки похожи на узкие зеленые бутылочки, а вместо пробки на конце желтые рыльца.

Вокруг цветущих ив звон стоит. Слетелись сюда разные пчелы, мухи, мошки, жучки. Пыльца у ив клейкая, ее много. Перепачкается пчела желтой пылью и летит к другим кустам, женским, богатым нектаром. Пока нектар собирает, пыльцу на пестиках оставит, опылит растение.

Мелкие с пучком шелковистых волосков семена ивы созревают летом и разносятся ветром. Только у пятитычинковой ивы семена созревают осенью и могут сохраняться до весны под снегом.

Кора и листья ивы богаты дубильными веществами. Это сырье для кожевенной промышленности. Древесина козьей ивы используется для изготовления целлюлозы. Из однолетнего ивового прута плетут корзины, изготавливают плетеную мебель, рыболовные снасти.

Большое значение имеют ивы в лесомелиорации. Ими засаживают заболоченные земли, укрепляют пески, склоны, овраги.

Иву бредину размножают порослью или семенами. Черенки ее почти не укореняются. Хотя другие ивы обычно размножаются черенками.

Заседание Клуба Почемучек закрывается. Я жду вас на этих же страничках в следующем месяце.

ПТИЦЫ СПАСЛИ РАНЕНЫХ

Июльской ночью 1942 года от замаскированного причала Мурманска отошли два небольших судна. Незамеченными вышли они из Кольской губы и, прижимаясь к скалистому Терскому берегу, поплыли на восток.

Команда на судах выглядела странно. Солдатские гимнастерки, гражданские ватники, пилотки, шапки-ушанки, ботинки с обмотками и живописные рыбацкие сапоги с широкими голенищами — все можно было увидеть здесь. На палубах стояли зенитные пулеметы, а груз в трюмах был совсем не военный — бухты прочного манильского троса, доски, ящики с парафином и с обычной древесной стружкой. Суда несли на бортах мирные названия: «Исследователь» и «Осетр». Но вместе они составляли боевую единицу, известную в штабах под названием 6-го Особого дивизиона.

Командир дивизиона Лев Осипович Белопольский стоял на мостике «Исследователя» рядом с опытным полярным капитаном Петром Андреевичем Полисадовым и нетерпеливо поглядывал то на небо, то на близкие скалы, возле которых вскидывались валы океанской зыби. Мысли Белопольского все время возвращались к Мурманску.

Это было время, когда фашисты окончательно убедились, что города им не взять, и решили сжечь его. Тысячи кассет с зажигательными бомбами полетели на деревянные дома, тысячи фугасок обрушились на тех, кто пытался тушить пожары. Положение Мурманска, и без того тяжелое, стало угрожающим. Город испытывал огромные трудности. Особенно в продовольствии. На службу фронту было поставлено все. В тундру отправлялись бригады охотников. Рыбаки уходили в море и, отбиваясь от фашистских самолетов, ловили рыбу. Для снабжения фронта, для госпиталей, для населения города.

И Белопольский тоже ходил в тундру ловить куропаток. К тому времени он был связан с Севером уже восемнадцать лет. Его страстью была орнитология. В 1932 году Лев Осипович Белопольский плывал на «Сибирякове» во время знаменитого похода, открывшего Северный морской путь, в 1933 году тонул на «Челюскине». В 1938 году Лев Осипович Белопольский был назначен директором государственного заповедника «Семь островов», созданного по его собственному проекту.

В 1941 году белый домик заповедника был измазан серой краской — для мас-

кировки. Тихо стало в комнатах-лабораториях: большинство сотрудников ушли на фронт. Однажды Л. О. Белопольский отправился в штаб обороны города и положил на стол коротко изложенный план операции. На основании этого плана и был издан приказ о создании 6-го Особого дивизиона.

Следующей ночью суда бросили якорь в Иоканге, где находилась военно-морская база, прикрывающая вход в Белое море. Дальше дивизиону предстоял бросок через



пролив к Канину Носу. Это можно было сделать только под защитой надежного конвоя. Но конвоя не было.

— Смотрите сами, — сказал командующий базой, показывая макет с моделями кораблей — наших и немецких: фашисты пиратствовали на главной дороге транспортов. — Неоткуда мне взять конвой. Предупреждаю: если до десяти утра успеете уйти далеко, — проскочите. В десять немецкие разведчики облетают берега.

Они рискнули идти без конвоя. И через одиннадцать часов увидели впереди камни Канина Носа. Затем суда повернули на север.

Светлой полярной ночью суда вошли в небольшую бухту Безымянную на Новой Земле. Слева и справа стометровыми стенами высились скалы. Над бухтой стоял неумолчный крик миллионов птиц. После тишины моря он казался оглушающим.

Команде предстояло собирать яйца кайр. Это было опасное дело. Нужно было на веревках спускаться со скал, цепляясь за скользкие уступы. Над головой — слепящее солнце. А далеко внизу — холодные волны. Ветер такой, что того и гляди сбросит с уступа.

Первый раз Л. О. Белопольский спустился сам. Промысловики, прибывшие на судах, стояли наверху, смотрели, как он работает. Прижимаясь всем телом к холодной скале, выбеленной птичьим пометом, Лев Осипович добрался до первого уступа и, сдвинув рукой удивленную кайру, взял из-под нее большое, величиной с кулак, яйцо. Оно было теплое с одной стороны. Нет, не зря спешили промысловики: еще несколько дней — и начали бы развиваться птенцы. Л. О. Белопольский подержал яйцо на ладони, прежде чем опустить в ведро, и заметил, что рука дрожит.

— Людей нечем кормить, — виновато сказал он птице. — А ты еще снесешь.

Кайра почесала клювом у себя на

грудке, словно поправляла черную манишку, и, раскрыв крылья, сорвалась в пропасть. И крик ее, похожий на воронье карканье, утонул в монотонном гуле птичьего базара.

Следующий уступ оказался большим — полметра в ширину и метра три в длину. Кайры сидели на нем вплотную, одна возле другой.

— Не заклюют? — спросили сверху.
— Не надо бояться! — крикнул он в ответ. — Кайры не клюются!

Не в силах удержаться от научного любопытства, Л. О. Белопольский вынул из-под кайры яйцо и положил чуть в сторонке. Птица огляделась, увидела яйцо и пододвинула его клювом под себя. Тогда он положил яйцо подальше. Кайра беспокойно закрутила головой и, увидев другое, лежащее ближе яйцо, уселась на него. Лев Осипович вздохнул и оттолкнул птицу.

— Хватит экспериментов. Некогда.

В тот день была разработана целая технология. Производственной единицей по сбору яиц стала группа из четырех человек — двоих, кто покрепче, чтобы держать веревку, и двоих, которые полегче, — сборщиков. Пока один ползал по уступам, другие принимали наверху ведра с яйцами, мыли их, опуская в воду. Если яйцо тонуло, стало быть, оно годилось для длительного хранения. Такие макалы в расплавленный парафин и укладывали в ящики на стружки (яйца кайр имеют крупные поры, поэтому могут долго храниться только под слоем парафина).

Через несколько дней экспедицию обнаружил фашистский «фокке-вульф». Он долго кружил в небе, фотографировал прижавшиеся к скалам суда, палатки на берегу.

Вечером промысловики собрались на военный совет.

— Теперь покоя не дадут, — сказал капитан П. А. Полисадов. — Рано или поздно придет подводная лодка.

Было решено оставить в Безымянной лагерь и половину людей, а суда увести на северную оконечность Новой Земли и спрятать под отвесами скал бухты Архангельской, где тоже имелись птичьи базары и можно было продолжать сбор яиц.

Жили промысловики по жесткому, военному распорядку дня. В шесть утра — подъем, в семь — на работу. Обедали на рабочих местах — продуваемых холодных утесах. Варили суп из кайр, добавляя в него белок яиц. Из желтка делали «птичье молоко»: размешивали желток в кипятке и получали чуть желтоватую жидкость, по виду напоминавшую обычное молоко. В пищу шли только забракованные яйца. Те, что можно было сохранить, берегли для мурманчан.

По вечерам Белопольский рассказывал промысловикам, как когда-то студентам, о птицах и птичьих базарах.

— Если у кайры забрать яйцо, она снесет второе, может, даже и третья. На большее ее не хватает. Но и этого для нас довольно, ведь на базаре — миллионы кайр. Правда, много и других птиц, моевок, например, тех, кто кричит громче всех. А еще есть чайки-бургомистры. Это первые враги кайр. Они сгоняют птиц и уносят их яйца.

Через месяц в бухте Безымянной бросил якорь траулер «Камбала». Постоял несколько дней и ушел на Мурманск с полными трюмами яиц. И будто увез погоду: пошла дождь. В дождь работать стало труднее: размокший птичий помет сделал скалы скользкими, словно смазанными маслом. И яиц на птичьем базаре становилось все меньше, приходилось удлинять веревки, забираться во все более труднодоступные места.

— Отвязываться запрещаю, — требовал Л. О. Белопольский. — Даже если уступ широк и кажется совершенно надежным.

Но опасность подстерегала и с другой стороны — с моря. Фашистские субмарины искали суда Особого дивизиона по всему побережью. Как-то, работая на скалах, люди увидели подводную лодку в пяти кабельтовых от берега. Она прошла открыто, матросы ходили по палубе, и кто-то осматривал берег в бинокль. Замерли промысловики, слились со скалами. Что они могли сделать своими несколькими винтовками против пушек?

Позднее узнали, что, не найдя судов, подлодка зверски расстреляла летнее стойбище архангельских рыбаков в бухте Малые Кармукулы.

Близилась осень. Солнце ночами все глубже закрывало в море. Усиливались ветры. Удары волн о черные скалы напоминали пушечные залпы. Они были как эхо тех залпов, что доносили радиосводки.



По сводкам выходило, что Мурманск стоял и что на Кольском полуострове фашистам не отдано больше ни метра советской земли.

«Яичная операция» 6-го Особого дивизиона была лишь крохотным эпизодом большой войны. Но и в этой операции надо было победить.

В начале осени «Искатель» и «Осетр», груженные по самые борта, вошли в Кольский залив. Мурманские госпитали получили свыше миллиона яиц, каждое — в два куринах.

...Л. О. Белопольский вернулся на Новую Землю после войны, когда был уже доктором биологических наук. Несколько лет с большой группой орнитологов жил он в старых домиках промысловиков, охранял поредевшие гнездовья кайр от хищных чаек-бургомистров, вел научные исследования. Птичьи базары были восстановлены.

В. Алексеев



Дорогая редакция!
Мы скоро заканчиваем школу и не знаем, какую профессию лучше выбрать, чтобы работать с животными. Расскажите, пожалуйста, о профессиях зоолога и ветеринарного врача.
Какие учебные заведения готовят таких специалистов?

Ирина и Елена Сахаровы

Москва

Вы спрашиваете, какие профессии связаны с животным миром?

Зоологов готовят государственные университеты страны. Зоолог — это специалист с высшим образованием. В наше время зоология настолько обширная наука, что нет зоологов, ведущих исследования по всем вопросам зоологии. Каждый занимается какой-то одной группой животных. Так, например, мир моллюсков изучают малакологи, мир насекомых — энтомологи; и среди них есть лепидоптерологи, изучающие только бабочек, колеоптерологи — жуков, арахнологи — пауков и т. д.

В мире позвоночных ихтиологи изучают жизнь рыб, герпетологи работают с земноводными и рептилиями, орнитологи — с птицами, маммологи или териологи с млекопитающими. Общебиологические вопросы решают этологи, экологи, цитологи, гистологи. Вопросами бионики занимаются биофизики.

Близки к профессии зоолога профессии ветеринарного врача и фельдшера. Они охраняют животных от болезней. Таких специалистов готовят сельскохозяйственные и ветеринарные институты и техникумы. Для работы с домашними животными и животными, содержащимися в неволе, сельскохозяйственные институты и сельскохозяйственные техникумы готовят зоотехников и зооинженеров. Их задача — организация животноводства, выведение новых пород, правильность кормления. Но и здесь тоже существует специализация по птицеводству, каракулеводству, коневодству, овцеводству, пчеловодству, шелководству, рыбоводству, звероводству.

Живу я на Северном Кавказе. Очень люблю природу и свой родной край. Я хо-

Списки и адреса университетов и сельскохозяйственных институтов имеются в справочниках для поступающих в высшие учебные заведения СССР. А адреса сельскохозяйственных, лесных и ветеринарных техникумов вы найдете в справочниках для поступающих в средние специальные учебные заведения.

чу оберегать животных. Мне нравится профессия егеря. Ответьте, пожалуйста, где их готовят.

Сергей Ласков

с. Шангала,
Ставропольский край

Егерь — слово не русское, оно пришло к нам из немецкого языка и означает просто: охотник. У нас егерями называют младший технический персонал охотничьих хозяйств. От егеря требуются определенные знания биологии охотничьих животных, мест их распределения в охотничьих угодьях. Егерь должен уметь вести наблюдения за жизнью животных, учитывать их численность, знать приемы и способы добычи. Он должен уметь вырастить охотничью собаку, натаскать (выдрессировать) ее для охоты, знать систему охотничьего оружия, технику снаряжения патронов, обращения с оружием. Егерь — это охранитель охотничьей фауны на территории охотничьего хозяйства, он способствует увеличению численности животных и наблюдает за правильной охотой. Он должен знать охотничье законодательство, строго соблюдать законы по охоте и охране природы, пресекать всякие нарушения их! Все, что связано в охотничьем хозяйстве с охраной охотничьих животных, их воспроизводством и последующей охотой на них, — все это заботы егеря.

Егерей готовят сами охотничьи хозяйства, как спортивные, так и промысловые, на кратковременных курсах.

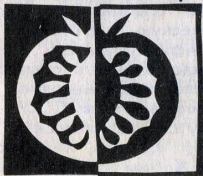
Научное руководство в охотничьих хозяйствах осуществляют не егеря, а специалисты охотничьего дела: техники-охотоведы, получившие специальную теоретическую и практическую подготовку.

Чтобы стать квалифицированным техником-охотоведом, надо окончить отделение охоты и звероводства пушно-мехового техникума Роспотребсоюза. Их в СССР два: Иркутский (г. Иркутск, Байкальская ул., 127) и Московский (г. Сходня, Химкинский район, Московская область, Октябрьская ул., 30 А). Чтобы стать биологом-охотоведом высшей квалификации, надо после окончания полной средней школы или техникума поступить на биологический факультет сельскохозяйственного института по специализации «охотоведение». Эта специализация есть в Иркутском и Кировском сельскохозяйственных институтах. В этих институтах имеются и заочные факультеты.

В. Строчков



ВСЯКОМУ ОВОЩУ



Ей сорок веков

За сорок веков возделывания репы о ней накопилось немало сведений. Древнегреческий ботаник Теофраст в своих «Исследованиях о растениях» рассказывает о репе как о главном овоще своих соотечественников.

Широко применялась репа и в античном Риме. Столовые сорта выращивали

на пищу, крупные и грубые — на корм скоту. Полагали, что от холода репа делается вкуснее и более крупной, а от тепла тянется в ботву. И конечно, уже в те времена люди дивились тому, как это из такого крохотного семени за каких-то два месяца вырастает большущий корнеплод. Знатоки уверяли, что наиболее вкусная и крупная репа вырастает из самых мелких семян. Умели римляне выращивать репы-тяжеловесы, достигавшие иногда 16 килограммов. Позднее эти чемпионы послужили хорошими исходными формами для выведения кормовых турнепсов.

В нашей стране репа освоена чуть ли не с возникновением земледелия. Репу ели пареную, вареную, жареную, с квасом, с маслом и просто так. Не-

которые даже закармливали ее как капусту. Русским истари хорошо была известна целительная сила репы.

Репа, турнепс и брюква — типичные представители семейства крестоцветных. В первый год репа дает утолщенный корнеплод, на второй — семена, отчего и называется этот овощ двулетним. Чтобы сорта репы не скрещивались, разные посадки маточников размещают на значительном отдалении (до километра), иначе произойдет переопыление и чистосортность пропадет.

Семена репы чрезвычайно мелкие, в одном килограмме их может быть до миллиона. Чтобы репа росла равномерно, ее семена перед посевом смешивают с песком. В больших хозяйствах семена дражи-

руют. Для этого их смачивают в жидком растворе коровяка, затем помещают во вращающуюся бочку с питательной смесью. После наращивания первого слоя семена опрыскивают и, добавив смесь, снова вращают. Так делают раза четыре, пока семена не превратятся в комочки диаметром около пяти миллиметров. Питательная смесь состоит из 70 процентов болотного торфа, 20 — навоза и 10 процентов дерновой земли. Хорошо добавить в нее немного гашеной извести, суперфосфата, хлористого калия и аммиачной селитры.

На огородах репу сеют в бороздки, отстоящие одна от другой на 15—20 сантиметров. Глубина заделки 1,5—2 сантиметра. На севере, там, где тяжелая почва, этот овощ целесообразнее сеять на гребнях, тогда земля лучше прогревается и проветривается.

Репа удается лишь на легких песчаных почвах. На суглинистых она обыкновенно заболевает килей, да и корнеплод ее получается деревянистым, невкусным.

Почву под репу надо рыхлить глубоко, потому

что корни у нее длинные. Лучшие ее предшественники в огороде — огурцы, кабачки, помидоры и бобовые, а в поле — картофель, озимые зерновые, клевер. Навоз непосредственно под репу не вносят, иначе она вырастает дупливой, уродливой, непригодной для лежки. Свежий навоз вносят только под предшествующую культуру и то лишь года за два до посева репы. Перед высевом семян почву неплохо заправить золой и натрием (в виде поваренной соли). Это заметно улучшает вкус корнеплодов. Калий способствует заживлению корней при поражении их вредителями, продлевает срок лежкости. Но увлечение калием может принести и неприятность — быстрее распространится кила. Если же злоупотреблять азотом, то репа вырастает несладкой, рыхлой, непригодной для зимнего хранения. Известь и борное удобрение помогут бороться с килей.

Сеют репу ранней весной, как только просохнет почва.

От всходов до уборки репы проходит около 70 дней. На дворе начало

июля, и есть полная возможность получить еще один урожай репы. Репа летнего посева пригодна для зимнего хранения. К тому же июльским посевам меньше вредит земляная блоха. Через 50—60 дней новый урожай корнеплодов готов. Чтобы получить ранние урожаи столовой репы, семена сеют после уборки озимых и яровых культур.

Репа — незаменимое растение на Крайнем Севере. Она успевает созреть даже под семидесятым градусом северной широты. А вот на юге репа дает хорошие урожаи только при обильном поливе.

Набор сортов реп, к сожалению, невелик. По-прежнему широко распространена Петровская репа с плоскими корнеплодами, с вогнутым донцем и восковым цветом кожуры. Из-за восковой окраски мякоти и кожуры Петровскую репу называют Воцанкой. Корнеплоды послевают через два месяца после посева. Зимнюю лежку переносят легко. За превосходные вкусовые качества и урожайность этот старинный русский сорт до сих пор в большом почете у огородников.

Несколько похожа на Петровскую Соловецкая репа. Но у нее больше зеленоголовых корнеплодов. У репы сорта Карельская кожура зеленая или фиолетовая. Сорт урожаен, хорошо хранится.

Среди скороспелых реп выделяется Миланская белая. Корнеплод у нее плоский, кожура снизу белая, а к верхней части ярко-фиолетовая. Белая мякоть сочная, сладкая, нежная. Для летнего употребления хороша Майская красная репа. Мякоть у нее белая, сочная. Это один из самых скороспелых сортов.

А. Стрижев



Растения-защитники

Много лет назад, бродя по лесам и лугам, я подметил, что дикорастущие ягоды и плоды почти не страдают от болезней и вредителей. В худшем случае они или высыхают на корню, или осыпаются от тяжести.

Приглядевшись, я пришел к выводу, что их защищают окружающие растения. Часть этих растений я перенес к себе в сад. Так появились у меня травянистые и кустарниковые растения с сильным запахом, богатые фитонцидами: серая горькая полынь, обыкновенная пижма, дикий лук и дикая морковь, дягиль и тысячелистник, аптечная ромашка и красная бузина.

Я посадил их среди ягодников, в междурядьях яблонь, слив и вишен, и они резко снизили заболеваемость этих культур, плодовые деревья стали меньше поражаться вредными насекомыми и мышами.

Потом у меня мелькнула мысль: а нельзя ли вывести такое растение, которое бы вобрало в себя запахи других и таким образом стало бы более действенным? Провел ряд опытов по свободному и искусственному опылению обыкновенной пижмы пылью с других фитонцидных растений-сорняков, наконец удалось получить такое растение. Назвал я его садовой пижмой. Она очень похожа на обыкновенную, только листья у нее покрупнее да стебли повыше.

Сильно вредят яблоням бабочки — плодовая медяница и цветоед. В саду помогают с ними бороться серая горькая полынь и садовая пижма. Эти растения я сажаю почти под каждой яблоней. Бабочке плодовой запах полыни и пижмы не по вкусу. И как правило, на

нижних ветвях яблонь никогда не бывает пораженных вредителем плодов.

А как быть, если крона яблони сильно вытянулась вверх? Тогда надо опрыскнуть дерево настоем либо одного из этих растений, либо сразу обоих. Настой можно готовить как из свежих растений, так и из сушеных, заготовленных годом раньше в пору цветения.

Высушенных растений обычно нужно брать 700—800 граммов, свежих — раза в три больше. Растения рубят на мелкие части, кладут в любую посудину, заливают доверху водой и плотно закрывают крышкой. В таком виде вся эта масса стоит сутки-двое. Потом ее минут 25—30 кипятят, процеживают и добавляют в раствор примерно такое же количество холодной воды. Как только настой остынет, можно приступать к опрыскиванию. Запах его настолько сильный, что бабочки-плодожорки предпочитают поскорее убраться из сада.

Первое опрыскивание проводится вскоре после цветения яблонь, а последующие три-четыре опрыскивания проводят через каждые пять-шесть дней, то есть в течение всего периода лета бабочек. Этот же настой уничтожает медяниц и цветоедов. Такие же примерно результаты дает и опрыскивание яблонь настоем тысячелистника.

Особенно эффективны настои в борьбе с неуслезшей еще окрылившейся медяницей, поэтому надо зорко следить за ее развитием. Когда же она окрылится, приходится прибегать к окулированию яблонь табачной пылью или измельченными стеблями и листьями табака махорки. Делается это так: между яблонями разжигаются небольшие костры из разного мусора, опилок, на-

воза, в которые бросают полтора-два килограмма махорки. Табачный дым губителен для медяницы. Непросто заметить, как эти мелкие зеленые насекомые падают на землю. Лучше всего окуливание проводить в тихую, безветренную погоду.

И у черной смородины есть верные друзья-защитники. Это в первую очередь красная бузина и пижма, как садовая, так и обыкновенная. Не обязательно кусты бузины сажать в междурядьях смородины, достаточно весной воткнуть около ягодников в еще не просохшую почву по небольшой веточке бузины, чтобы спасти ягоду от бабочки-огневки. Рано весной эта бабочка откладывает в цветки смородины крохотные яички, из которых вскоре выходят зеленые гусеницы и вгрызаются в нежные завязи плодов, питаются их мякотью. В конце июня гусеница на паутинке спускается на землю для окуливания.

Но если бабочка-огневка почувствует запах распустившихся листьев бузины, особенно ее цветков, не подлетит к такому кусту смородины. Не по вкусу, видимо, им и аромат пижмы.

Пижма спасает смородину и от стеклянницы. Зная сроки вылета этой бабочки (обычно это бывает в конце цветения смородины), я обильно посыпаю кусты истертыми в порошок сухими листьями пижмы. Процедуру повторяю три-четыре раза через каждые два-три дня. На такие кусты смородины стеклянницы, как правило, не садятся.

Трудно бороться с почковым клещом. Лучшее всего его собирать вручную поздней осенью или рано весной до цветения и тут же сжигать. Заметить этого вредителя легко по неизменно вздутым почкам.

Г. Балдин



Внимание всех, кто собирает хозяйственно-ценные и лекарственные растения! Заготовительные организации потребительской кооперации принимают от населения дары чудесной зеленой аптеки без ограничения. В мае собирают цветы ромашки аптечной, боярышника кроваво-красного, клевера красного, первоцвета весеннего, липы сердцелистной; листья брусники, ромашки аптечной, вахты трехлистной [трифоли]. Особое внимание обратите на ландыш майский — его цветки и листья являются незаменимым лекарственным сырьем! Цветки ландыша собирают в начале цветения, когда они только распустились и еще не пожелтели. Ни в коем случае нельзя их срывать: можно повредить корневища; и цветы, и траву, и листья следует аккуратно срезать ножом! Траву (цветки вместе с листьями) срезают на уровне плечатых листьев.

Руководителям школ и внешкольных организаций, комсомольцам и пионерам следует связаться с заготовительными организациями потребительской кооперации своего района и согласовать с ними, в какие сроки и какие именно растения следует собирать в своем районе. Там же вы получите квалифицированную консультацию по технике сбора, сушки и транспортировки лекарственных растений. Помните! Необходимо точно различать нужное растение от похожих на него. Нельзя собирать редкие в вашей местности лекарственные травы. Желаем вам удачи!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

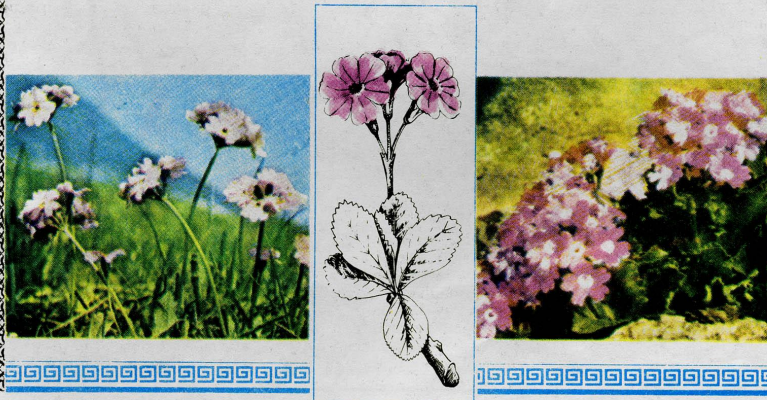




Рис. В. Прокофьева

ТАНЕЦ НА ЗАКАТЕ

Была яркая напористая северная весна. Наш малеккий отряд пробирался к реке Омолон, где надо было провести поисковые работы.

На третьи сутки мы вышли к живописной тундровой долине. Далеко-далеко вокруг древними ярангами синели горы. С обрыва, звеня и пенясь, падал ручей. Над водопадом полукругом стояла радуга. Такая яркая, свежая, будто живая. Хотелось подойти и потрогать ее. Справа, на сопке, отдыхало сиреневое облачко. Розовыми лепестками цвела брусника. И видно было, как в прозрачной тишине спирально струились снизу вверх потоки воздуха. Это отогревалась вечная мерзлота. Тихо-тихо. Лишь изредка закурльчат куличок на болоте или свистнет евражка у своей норки, и опять все смолкнет.

Когда мы обогнули небольшой холм и пошли по широкому распадку, уже вечерело. Прямо перед нами раскинулось голубое озеро. Возле воды важно расхаживали большие белые птицы с красиво изогнутыми длинными шеями.

На макушке у каждой блестела красная лысинка, белые огромные крылья были с черной каемочкой. Мы замерли на месте, пораженные их красотой и гордым величием.

— Это редкостные белые журавли — стерхи, — сказала старший геолог Анна Ивановна. — Давайте спрячемся за куст, подождем немного, и вы увидите невиданный балет — брачные танцы стерхов. Они почему-то любят танцевать на закате солнца. Только тише, не спугните.

Ждать долго не пришлось. Один из журавлей подошел к стае и сказал что-то на своем журавлином языке. В ответ птицы одобрительно закурлькали и поклонились. Другой журавль поднял высоко голову, затрубил, взмахнул могучими крыльями — и балет начался.

Все птицы выстроились в круг, приспустили крылья и стали притопывать своими красными лапками. Потом одна или две пары выходили вперед, кланялись, приседали и начинали танцевать.

О, как они танцевали!

Вначале медленно, задумчиво пройдут по кругу. Закинув головы, пощелкают клювами. Попрыгают на месте, что-то вскрикнут и вдруг, вытянув вперед длинные шеи, помчатся вкруговую. Остановятся, передохнут и опять начинают все сначала. Наконец, раскинут огромные, как белые полотна, крылья, приподнимутся в воздух, опишут плавно два-три круга над водой и с гром-

ким гиканьем станут в ряд. А на их место, на утоптаный мох, выходит другая пара. Иногда лишь один танцор, а то сразу трое.

Замерло голубое озеро. Но вдруг хрустнула под ногами ветка, и танцы мигом оборвались. Птицы испуганно вскрикнули, настороженно подняли головы и, взмахнув крыльями, скрылись в поднебесье.

К. Любичкая

БЕДОЛАГИ НЕСМЫШЛЕННЫЕ

Ласточек боцман заметил не сразу. Они облюбовали местечко под рубкой рулевого. Высоко, с палубы не достанешь, из рубки тоже не дотянешься — козырек навеса мешает. Боцман стоял, задрав голову, прикидывал, как выселить незваных жильцов.

— Эй! — окликнул он первого попавшегося на глаза матроса. — Сковырнуть их оттуда надо. Вид портят. Ишь, пока меня не было, грязь какую по белой стене развели.

Матросом этим оказался рулевой Кеша. Он только что сдал вахту и сюда заглянул совершенно случайно. Кеша внимательно оглядел будущее гнездовье, пока только отмеченное крапинками сырой грязи, и улыбнулся. Ему показались забавной суетливой работа ласточек, то и дело взмывавших над палубой и тут же исчезающих за кудрявыми береговыми ветлами, и пустячным беспокойством боцмана.

— Во, елочка веселые! — воскликнул Кеша своей любимой поговоркой. — Так это ж здорово, Ипполитыч! Они что — мешают? Пусть живут...

— Разговорчики, — нахмурился боцман. — Чтoб и духу их там не было. Понял?

— Хм, как не понять, — хмыкнул Кеша. — Только, слышь? «Фюить-пирю» — ласточки пропели: спать пора.

— Вот к утру и уберешь, — не отступал боцман. — Чтoб после вечерней вахты здесь чисто было. Понял?

Ласточки ему не мешали, даже нравились, но была хорошо знакома и натура боцмана: задумал — сделает.

— Да, может, оставим, а? Ипполитыч? — резко переменял тон Кеша.

Заметки
натуральщика



— Ты мне зубы не заговаривай, — голосом подобрел Ипполитыч. Присев на крышку трюмного люка, он уже совсем миролюбиво рассуждал: — Ну ты сам посуди: место ль им здесь? Через неделю забьем трюмы рыбой, уйдем в Астрахань. А они что, следом полетят? Так и будут метаться от тоней до города, из города до моря? А шум, а грохот?..

— Да какой грохот? Тишина. И куци под боком, — не отставал Кеша. — Ты пойми, Ипполитыч, нигде на судах ласточки не живут, а у нас на «Приливе» будут.

— Зря агитируешь, — отмахнулся боцман. — От твоей заботы, смотри, без помехства птицы останутся. Чтoб к утру стена блестела.

— Чем их достанешь? — вскипел Кеша.

— Из брандспойта смой, — высказал боцман неожиданно пришедшую мысль. — А что? — тут же удивился он своей находчивости. — Очень даже просто: раз — и смыл. Пусть, пока не поздно, новый дом лепят.

Кеша скил, безразлично махнул рукой на

несговорчивость боцмана и отправился спать.

Вечером, появившись в рубке, он первым делом завел разговор с самим капитаном о новоселах, объявившихся на судне.

— Борис Сергеевич, — прижав к груди руку, умолял Кеша. — Ну пусть ласточки останутся. А не приживутся, сам до блеска стенку отдраю.

Капитан и не возражал. Он даже заинтересовался рассказом рулевого. Спустился вниз, постоял, любуясь хлопотами ласточек, махнул Кеше рукой.

— Пусть живут!

Спасенное заботами Кеша и добрым словом капитана гнездо росло на глазах. В несколько дней оно округлилось пуцом, соединилось верхним краем с козырьком навеса. Остался только леток — небольшая щелочка у самого потолка. Матросы, механики, сам капитан и его помощники следили за хлопотами ласточек и между собой ржали: пойдут ли птицы за судном или отстанут, останутся здесь, в низовьях реки. Больше всех, чувствуя себя главным спасителем гнезда, радовался и суетился рулевой Кеша. В перекурах он с издевочкой говорил боцману:

— Ну что, Ипполитыч, смыл? Елочки веселые...

Ипполитыч хмурил коричневый морщинистый лоб, сердился:

— Глупая это затея. Не от большого ума, нет... Эх, останутся без птенцов касатки, а вам что — эксперимент...

Прошло дней десять. Стояла середина мая, для нижней Волги пора уже знойная. Швартовые отдавали в полдень. Занятые этим, совсем забыли о ласточках и Кеша у руля в рубке, и боцман у канатов на палубе. А птицы с тревогой отпрянули от гнезда, когда в машинном отделении звяли двигатели; судно задрожало, выходя на фарватер.

Ласточки черными молниями резали воздух, ржали над пушистыми ветлами, пикировали на дрожащую от напряжения машину, которая, набирая скорость, оставляла за собой широкий пенный бурун.

Первым спохватился боцман. Закончив швартовку и смотав на кнехты канаты, он даже вздрогнул от быстрой черной тени, метнувшейся перед его лицом вдоль судна.

— Эх вы, бедолаги несмышленные, — проговорил, качая головой, Ипполитыч. — Угораздило ж вас где место для гнездышка отыскать...

Скоро на палубе собрались матросы. — А где ж ласточки? — вспомнил вдруг кто-то.

Головы дернулись вверх. Но птиц не было. Только чернело под рубкой гнездо, и

можно было разглядеть дрожащие желтые травинки в сохшейся лепке. Десятки глаз искали ласточек, но бесполезно.

— Дайте-ка закурить, что ли... природолюбыв вы этикие, — ко всем сразу обратился боцман. — Конечно. Все. Отстали касаточки...

Все замолчали, к боцману потянулись мятые табачные пачки.

— Может, и яйца у них уже отложены? — предположил кто-то.

— Знаю дело: отложены, — вздохнул Ипполитыч. — Эх, взять бы их да Кешке-рулевому за шиворот, как в пацанах бывало делали! — и бросил в сердцах на палубу только что зажженную сигарету, растер ее ногой по чистой сухой доске.

В порту рулевой отыскал боцмана у кают, тронул его за рукав:

— Слышь, Ипполитыч, не сердись ты...



Смою я гнездо. А ласточки совьют себе новое, май ведь еще. Не сердись, елочки веселые, что за беда?..

— Иди ты!.. — отвернулся боцман и хлопнул дверью своей каюты.

В. Степанов

РЫБЬЯ РАДУГА

Косяк воблы поднимался вверх по весенней мутной реке. Его вел крупный самец с маиновыми плавниками. Он плыл впереди, в окружении таких же сильных; как и он, рыбин. Это была свита вожака. За свитой двигалась остальная серебристо-темная масса. Косяк растянулся метров на пятьдесят. Ему надо было проплыть вверх километров сто, найти тихий уютный лиман с чистой водой и выметать икру.

Воблы спешили, потому что если не спешить, то можно оказаться без удобного места, его займут другие рыбы.

Вожак свернул в неглубокую протоку с чистой водой. И вся стая подчинилась ему. Выбравшись из серого мрака на солнечный свет, воблы словно ошааели. Они взлетали в воздух и гулко шлепались на воду. А вожак плыл и плыл, не задерживаясь ни на секунду.

До лимана оставалось несколько метров, когда перед косяком выросла песчаная насыпь. Вожак кинулся вправо, затем влево, стремительно проплыл вместе со свитой вдоль насыпи. Прохода нигде не было. А сзади напирала подплывающие рыбы. Вода в протоке запенилась, забурлила, будто начала вскипать. Вожак и повернул бы назад, но пробиться сквозь плотную массу было уже невозможно.

В это время к протоке подходили двое мальчишек. Они были одинакового роста: только один темноволосый, с загорелым лицом, а другой белокурый и бледный, в очках. Каждый нес по большой круглой корзине из ивовых прутьев. Друзья торопились за туювым листом для шелкопряда. Когда заблестела на солнце протока, белокурый произнес:

— Интересно, какая рыба сейчас клюет?

— Клюет-то любая. Да ловить пока нельзя, рыба икру мечет. — Темноволосый помолчал, посчитал в уме: — А через пять дней уже можно.

За разговором ребята не заметили, как очутились на насыпи, что перегораживала протоку. И тут Сережа, тот что белокурый и в очках, удивленно воскликнул:

— Вовка, смотри, вода кипит!

— Лучше бы не кипела, — послышалось в ответ. — Всю рыбу можно голыми руками переловить.

— Значит, нам повезло! — Сережа прыгнул с насыпи к протоке и опустил корзину в воду. Та моментально наполнилась воблой, и он, пыхтя, подтащил ее к берегу.

— Отпусти рыбу, — нахмурившись, приказал Вовка.

— Жалко тебе, что ли? Этой воблы вон сколько! Даже и незаметно, что ее убывло.

— Тебе незаметно, а на самом деле еще как заметно. Каждая воблинка 15 тысяч икринок откладывает. А в твоей корзине рыбин сорок. Если каждый рассудит как ты, так и вообще на белом свете рыбы не останутся.

— Что я, варвар, что ли! — пробурчал Сережа и опрокинул корзину. — Но все равно рыбак некуда деться, их кто-нибудь другой вычерпает.

— Чудак! А мы-то на что? — улыбнулся Вовка. — Канавку в насыпи пророем... Я в деревню за лопатами сбегаю, а ты покуда покараул тут. — Вовка развернулся и побежал в степь.

Остаться-то на карауле Сережа остался, но в душе он не был согласен с приятелем. Ведь только что сам пытался ловить эту воблу, а теперь надо стеречь ее. Но от кого? Неужели от самого себя? Хитрый какой! На всякий случай он посмотрел по сторонам: никого — и, присев на корточки у самой воды, стал рассматривать мечущихся в панике рыб. Они скользили друг по дружке, били по воде хвостами, выпрыгивали в воздух. Их было так много — дна не видно. Сережа тихо опустил руку в воду и сидел с минутку не шевелясь. Воблы привыкли и стали тыкаться в ладонь ходячими носами.

Вдруг недалеко от насыпи остановился грузовик. Из кабины выпрыгнул корена-

стый парень в кепке. В руках у него было ведро. Он увидел мальчишку и рассмеялся.

— Чисто лис на охоте.

Сережа выдернул руку из воды и выпрямился.

— Ну кто ж так ловит, — снисходительно продолжал парень. — Сейчас ведром черпанем, и на варено будет.

— Нельзя ведром, — сказал Сережа.

— Это почему же?

— Ловить запрещено.

— А кто ж ловит-то? Если я ненароком вместе с водой малость рыбешки зачерпну, так ведь от этого ее не убудет.

Парень занес ведро над водой. Сережа бросился к протоке, чтобы отпугнуть рыбу, и нечаянно задел парня. У того вылетело из рук ведро, а сам он с отчаянным криком плюхнулся в воду. На миг скрылся с головой, затем вынырнул, ухватился за куст и, громко фыркая, стал вылезать на берег. Сережа стоял ни жив ни мертв, но с места не сдвинулся. Парень, хлюпая ботинками, побрел к машине.

— Ты случайно не бешеный? — сказал он, обходя стороной Сережу. — Из-за тебя я теперь в убытке. Ни ведра, ни рыбы...

Пока он шел до машины и ворчал, оставляя за собой мокрые следы, Сережа не проронил ни слова. Когда же парень втиснулся в кабину и грузовик, зарокотав, тронулся с места, Сережа вздохнул с облегчением. И тут же вспомнил о Вовке. Где же он?

Как ни спешил Вовка, все равно дорога туда и обратно заняла не меньше часа. Конечно, если бы лопаты были полегче, Вовка потратил бы на обратный путь значительно меньше времени. Лопаты мешали



Зовет в поход лето

Для каждого из нас каникулы увлекательная радостная пора. Солнце, речка, поле. Что может быть интереснее этих спутников пионерского лета? И не найдешь сегодня среди нас, школьников, человека, который бы не участвовал в пятой трудовой четверти.

В любом уголке нашей необъятной Родины трудимся мы, внося свой посильный вклад в общее дело всенародного созидания. Впереди «Лето-77». А мне хотелось бы рассказать, как я провела прошлогоднее лето в Подмоскowie в деревне Головино на знаменитом Бородинском поле. Место это всем известно со времен Отечественной войны русского народа в 1812 году. Вокруг леса и перелески, холмы, овраги и небольшие речушки. Поэтому отдыхать здесь интересно.

Когда началась сенокос, мы ушли со взрослыми в луга. Косить нам не разрешали, но каждый день мы ворошили сено. Потом сгребали его в большие копны и перевозили на лошадях в сарай. Это запомнилось надолго. Как прыгали по селу, стараясь его утрамбовать, как колючки высохшей травы щекотали руки и шею.

Помогали также мы взрослым и на прополке картошки, и в огороде, и дома. Ухаживали за домашними животными.

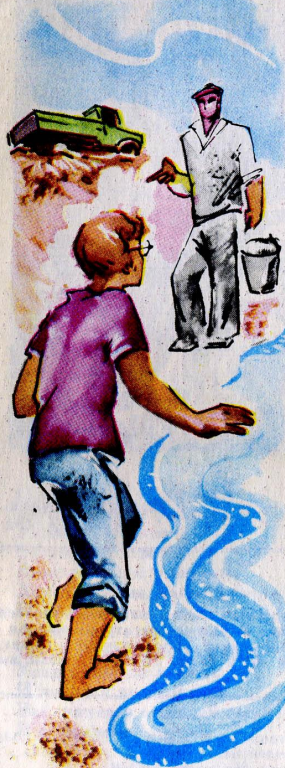
Я с увлечением читаю книги о природе. Меня заинтересовали рассказы о лекарственных растениях и ягодах. Оказалось, что на Бородинском поле много полезных растений. Раньше я этого не замечала. А за то лето научилась отличать полезные целебные растения от похожих на них малоценных или даже ядовитых.

Смордину, крыжовник, малину, чернику или рябину знает каждый. А вот какая она, валерьяна лекарственная? Как отличить ее от других похожих? Я узнала ее приметы. Стебель у валерьяны до двух метров высоты, весь облиственный, внутри полый. Цветки мелкие, лиловые или бледно-розовые, душистые, имеют свой неповторимый запах.

В кладовых природы немало даров. Прошлым летом я узнала много полезных трав. Тут и везде растущий подорожник, и горькая полынь, и щавель конский.

Полнокровным, трудовым было для меня лето прошлого года. И сейчас я с нетерпением жду сегодняшней пятой четверти. Сколько интересного принесет мне и многим моим сверстникам «Лето-77»! Оно зовет в поход. К новым пионерским делам и свершениям.

Инна Лукьяновская



ему, и он вынужден был бежать какой-то непонятной трусцой. Вот и заблестела на солнце протока. Но что это? Над насыпью висела живая серебристая радуга. Она, словно воздушный мост, соединяла протоку с лиманом, до которого было с метр. Целыми эскадрильями в несколько десятков штук в воздухе парили воблы. Видимо, первым храбро перелетел насыпь вожак с малиновыми плавниками, за ним следом звонко опустилась в лиман его свита. И тут началось! Поднимаясь из протоки, воблы через секунду уже приводнились в лимане. В полете бока рыб искрились на солнце и слепили глаза.

Вовка с Сережей неотрывно глядели на стремительный полет рыб, вызванный единственным и неповторимым желанием — сохранить и продолжить свой род. Рыбья радуга вскоре стала тускнеть. И вдруг исчезла совсем.

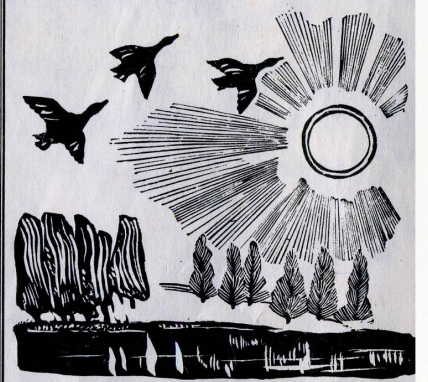
В. Кологрив

Москва



ТУМАН

Над рекою туман ложится.
Серый, утренний туман.
Он клубится и искрится,
Влажно, сыро, мокро там.
Скрыл туман от нас поляну.
Он похож на облака.
Чтоб его застать, встань рано,
Не умчался ввысь пока.



РОДИНА

Что такое Родина —
Мой родимый дом,
Лес, а в нем речушка,
А на ней паром.
То — дорога пыльная,
Рожь, ну а на ней
Четверо работают
Взмысленных парней.
Это льды громадные
И пустынь пески,
Стройка миллиардная,
В тундру марш-броски.
Это степь холмистая,
Горы и моря.
Реки серебристые,
Русская земля.

Алексей Шлыков
Москва



БЕРЕЗЫ

Целый день, не устая,
Дождь березы умывает.
Умывает, умывает
Белокорые стволы.
Льются слезы у березы,
Льются слезы, льются слезы,
Не остановить.
Ароматная слезинка,
Но холодная, как льдинка,
Упадет мне на ладонь,
И пойду я по тропинке,
Заблужусь в весенней дымке
Я с березовой слезой.

Вилена Чижова
г. Киев



«ПАНТЕРА»

Володя Копылов,
г. Волжский

НАША ОБЛОЖКА:

Летят журавли. Фото Р. Дормидонтова.
Кто не знает стрекозу — глазастое насекомое с длинным стройным телом, над которым непрерывно трепещут четыре прозрачных крыла? Каждый, вероятно, пытался схватить за крылья отдыхающую на цветке красавицу. Именно отдыхающую. Ведь стрекоза — прожорливый хищник и на растении ей совершенно нечего делать, если, конечно, оно не у воды. Там у стрекозы выводится потомство.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:		Лесная газета	16
Успехов на Марше!	1	И. Константинов. Свидетели древних эпох	22
Л. Волкова. Письмо из «Тимирязевки»	2	Р. Дормидонтов. Встречи с журавлями	26
Незабытые страницы	5	Л. Круглов. Бальзам Алтая	32
Дорогой Ленина, дорогой Октября! Азербайджанская ССР	8	Клуб Почемучек	42
Н. Парави. Медоed	11	В. Алексеев. Птицы спасли раненых	45
Зеленый наряд Отчизны	14	СБЮ	46
		Всякому овощу	51
		Записки натуралиста	51

Главный редактор А. Г. РОГОЖКИН
Редколлегия: Виноградов А. А., Клуменов С. К., Маслов А. П., Мухомтов В. И., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Серебрякова Т. И., Синадская В. А., Чацарин Б. А. (ответственный секретарь), Ярылкапов А. Б.

Научный консультант доктор биологических наук член-корреспондент ВАСХНИЛ Е. Е. Сырочковский
Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Т. А. Кулагина

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 24/II 1977 г. Подписано к печати 30/III 1977 г. А05037. Формат 70x100/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 324. Цена 20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, ГСП-4, Суцеская, 21.

НАШ АДРЕС:
ТЕЛ 251-15-00
г.о.б. 4-80
МОСКВА, ГСП-4, СУЦЕСКАЯ, 21



Индекс 71121
20 коп.

